

INKERI

Inkerin Liiton julkaisu

Päätoimittaja: Aleksanteri Kirjanen

Lehti oli perustettu v. 1884.
Uuoistettu v. 1998.

Газета была основана
в 1884 году.
Выпуск возобновлен
в 1998 году.

Puh. +7 812 234 86 54
Телефон редакции:
8 (812) 234-86-54

N:o 3 (068) lokakuu Kottori: С. -Петербург, набережная Карповки, 5, корп. 22, оф. 303

2008

Hiijobin kiusaus

Kun eräänä päivänä Jumalan pojat tulivat ja asettuivat Herran eteen, tuli myöskin saatana heidän joukkossansa ja asettui Herran eteen.

Niin Herra kysyi saatanalta: "Mistä sinä tulet?" Saatana vastasi Herralle ja sanoi: "Maata kiertämästä ja siellä kuljeksimästä".

Niin Herra sanoi saatanalle: "Oletko pannut merkille palvelijani Hiijobia? Sillä ei ole maan päällä hänen vertaistansa; hän on nuhteeton ja rehellinen mies, pelkää Jumalaa ja karttaa pahaa. Vielä hän pysyy hurskaudessa, ja sinä olet yllyttänyt minut häntä vastaan, tuhoamaan hänet syyttömästi."

Saatana vastasi Herralle ja sanoi: "Nahka nahasta; ja kaikki, mitä ihmisellä on, hän antaa hengestensä. Mutta ojennapa kätesi ja koske hänen luihinsa ja lihaansa: varmaan hän kiroaa sinua vasten kasvojasi."

Herra sanoi saatanalle: "katso, hän olkoon sinun käsissäsi; säästä kuitenkin hänen henkensä".

Niin saatana meni pois Herran edestä ja löi Hiijobin pahoja paisesta, kantapäätä kiireeseen asti. Ja tämä otti saviastian sirun, sillä kaapiakseen itseensä, ja istui tuhkaläjään.

Niin hänen vaimonsa sanoi hänelle: "Vieläkö pysyt hurskaudessa? Kiroa Jumala ja kuole." Mutta hän vastasi hänelle: "Sinä puhut niinkuin mikäkin houkka nainen. Otammehan vastaan Jumalalta hyvää, emmekö ottaisi vastaan pahaakin?"

Kaikessa tässä Hiijob ei tehnyt syntiä huulillansa.

Job. 2: 1-10.

Näin Inkerissäkin asui aikanaan Hiijob-niminen mies. Hän oli tavallinen talonpoika, ahkera ja jumalanpelkäävä. Hänen elämänsä ei ollut onnellinen eikä rauhallinen. Hän tiesi köyhyyttä, lapsensa kuolemaa ja muuta hätää. Saatana kiusasi häntä, ja Hiijob ei sanonut yhtään sanaa Jumalaa vastaan. Samanlaisia olivat hänen jälkeläisensä, ja heistä oli hyvä maine, ja heidän talonsa tunnettiin nimellä Hiijobin talo. Ajat muuttuivat, ja Hiijobilaiset joutuivat pois kotikonnulta, ja he eivät pilkkaneet Jumalaa; ja he elivät hiljasti koko aikansa. Ja Jumala iloisti heistä, koska he olivat uskollisia Hänelle.

Oli kulunut vielä aikaa, ja kerran Inkerissä sattui kokous. Liki Tuutarin mäkeä oli Takakylä, ja siinä oli talo, jossa kokoontui sata ihmistä. He kaipasivat kultaista aikaa sekä kadonnutta Inkeriä, ja he tahtoivat taistella rakkaasta unelmastaan. Heidän seurassaan olivat myös Herra ja saatana. Viimeinen sai Herralta luvan koettaa heidän uskollisuuttaan. Ja nuo ihmiset alkoivat otella omien kanssa; he torailivat ja riittelivät keskenään, ja saatana oli tyytyväinen. Ja sattui paljon katkeruutta sekä mielihapaa; ja hyvät teonsa toivat heitä helvetin tielle. Vain harvat heistä pysyivät uskossaan, eivätkä sanoneet toisista pahaa.

A. Krjukov

Inkerin Liiton 20 vuotta

Tässä lokakuussa Inkerin Liitomme täyttää 20 vuotta. On jo saatu Inkeri-lehti Vironmaalta, josta luemme kuinka veljemme Virossa juhlivat inkerinsuomalaisten liikkeen vuotispäivää. Onnea teille, veljet! Teillä on tosi syytä juhliä. Ja nyt, katsokaa – tänä syksynä meilläkin on vuotispäivä. Eräänä iltana lokakuussa v.1988 tapahtui Taaitsassa, Ruudi Eerikäisen talossa, oikeastaan talon verannalla, suuri kokous, jossa oli mukana hieman yli 100 ihmistä. Tuona ikimuistettavana iltana oli julistettu Inkerin Liitomme synty. Muistiini jäi tuon kokouksen hetkiä. Ei meillä silloin ollut puheenjohtajaa, ja kokous meni alkuvoimaisesti. Toiset puhuivat suomen murreta, toiset venäjää. Läsnaolueille

nämä kielet olivat samalla ymmärrettäviä. Muistan Toivo Flinkin puhetta. Muistan kuin petroskoilaiset ylioppilaat lauloivat "kesänurmikolla".

Siintä on kulunut aikaa. Tapahtui paljon. Ilmeni ja pakeni Huuyrönen. Tulivat ja lähtivät Vesikko, Pellinen, Ritari ja muut. Syntyivät ja menivät "paluumuutto" ja muut projektit. Vaihtuivat toimivat henkilöt. Inkerin Liitomme puhkesi kukoistukseen ja lakastui. Monet entiset asetoverit eivät enää halua kuulla toisiaan.

Saavutuksiamme saisi olla enempi. Inkerin kansalaiset elävät näin tavoin, kuin Inkerin Liittoa ei olisi ollut. Suomen kieli kaikuu Inkerissä näin usein, kuin vaan siellä käyvät

vieraat Suomesta. Ainakin kirkoissa suomen kieli säilyy edelleenkin.

Luomistyö ei onnistunut meille – sensijaan hyvin onnistui taistelu. Olemme panneet taistelun alttarille voimiamme ja vuosiamme. Ei tosiasiasa taisteltu niin paljon Inkerinmaan ja kansalaisemme puolesta, kuin paljon riideltä keskenään. On kulunut aika – näet, olemme jääneet paljaille puille.

20 vuotta on kulunut. Toiset meistä kuolivat, toiset lähtivät tuulta myötä. Jotkut toimivat entisellään paikallansa, jotkut pitävät juhlaa. Kaikki ovat asioissaan. Antaako Jumala rauhaa meille.

A. K.

Inkerin Liiton alku

Arvoisat Inkeri-lehden lukijat! Inkerin Liiton johtokunnan puolesta onnittelten teitä Liiton 20 vouden johdosta. Toivotamme teille kaikkea parasta, onnea, terveyttä ja menestystä töissänne!

Mistä Inkerin Liitto alkoi. Muisti päivä Tehvinässä

Sanotaan että hanhet pelastivat Rooman. Hanhikin oli Inkerin Liiton alussa. Kesäkuun kauniina sunnuntaina vuonna 1988 minä vaimoneen istuimme verandalla (= vilpolalla) ja joimme kahvia. Pikkuserkkuni Albertti vaimoneen tulivat meille ja toivat kahlessa koiramme. Se meni luosalle ja tappoi serkkuni hanhen.

Yhdessä juotiin kahvia ja nain mieleen tuli vanha asia. 50 vuotta sitten alkukesällä vuonna 1938 Tehvinän ja listinän kylistä vangittiin suuri jouku kylän miehiä, eikä heistä myöhemmin tullut enää mitään tietoa. Näin sovittiin järjestää Tehvinän ja listinän kylien Muistipäivä.

Ensimmäisen kerran noin 20:n hengen porukka kokontui Skuoritsan kirkon raunioissa 23.07.1988. Lauloimme pari virttä, Arvo Survo piti pienen saarnan. Reino Hytti näytti viimeisen Skuoritsan seurakunnan kirkkoherran haudan. Sen päällä oli kivi, jolle Reino oli kaksi kertaa tehnyt ristin, ja viholliset aina rikkoivat sen. Me kutsuimme kaikkia tulemaan seuraavana lauaintaina Tehvinä-kylään Muistipäivän johdolle.

Saadakseen paikalliskunnan luvan tehtiin Muistipäivän ohjelman ja muita lupauspapeireita. Lauantaina 30 heinäkuuta 1988 Tehvinän kylässä kokoontui 80 ihmistä. Alussa me ajattelimme että tulee vaan kyläläisiä. Mutta tieto leveys niin että tuli ihmisiä muualtakin – Pietarista, Pohjois-Inkeristä, Pihkovasta ja Tallinnasta. Niin paljon sukulaisia ei koskaan enemmin kokoontunut kylässä. Muistipäivä kesti 4,5 tuntia.

Minä kerroin omasta vaarista isän puolelta (Simo Simonpoika Kirjanen) ja hänen 7:stä lapsesta. Heistä 3 oli vangittu ja ammuttu – ei kukaan tiedä missä. Toisen vaarin (Antti Simonpoika Kirjanen) perheestä keroi hänen vunutka, Olga Kirjanen. Antti Kirjasella oli 5 lasta ja heistä 3 poikaa (miestä) vangittiin ja ammuttiin vuonna 1938. Kolmannella veljellä (Ossi Simonpoika Kirjanen) oli 6 lasta ja niistä 5 poikaa vangittiin, 3 ammuttiin vuonna 1938 ja 2 visattiin pois junasta. Toinen koulu viikon kuluttua ja toiselta jatkoi Ossi

Kirjasen sukupolvi. Näin pikkuserkkuni Albertti on Ossin vunutka.

Arvo Malkki Malkkilasta kertoi omasta isosta perheestä ja sen traagisen kohtalosta. Aino Väisse o.s. Manninen kertoi kun hän 14-vuotinen tyttö etsi tyrmissä isää ja setää. Hän näki Varsovan aseman kellarissa vangittuja kyläläisiä ja he sanoivat että Ainon isä ja setä ovat täällä kellarissa. Setä on penkin alla ottaen nälkäkuoleman.

Serkkuni Elsa Kirjanen ja listinän koulun opettaja Eeva Kaupponen kertoivat omista perheistään. Sitten minä lausuin vielä toisesta vaaristani (Aatami Junananpoika Pystönen). Hänet ja hänen 3 poikaa ammuttiin, mummoni kuoli Kuolan niemimaalla. Eloon jäivät vaan minun äitini ja tätini.

Sitten me teimme yhteisen pyynnön prokuraattorille. Pyyntöä oli 24 nimeä. Myöhemmin siihen listaan liitettiin vielä kylän vangittuja. Yhteensä tuli 39 vangittuihmistä 70:stä talosta.

Pastori Arvo Survo piti saarnan ja sitten hän lailoi laulu-ballaadin Voivatko kikit elpyä. Arvo lauloi ja kaikki itkivät. Mustipäivän lopussa oli tehty päätös, että pitää perustaa inkerinsuomalaisten seurana. Koko Muistipäivä tilaisuus on nauhoitettu ja siitä on tehty pieni kirja. Sen voisi sanoa ensimmäiseksi Inkerin Liiton dokumentiksi – vaikka Liittoa ei vielä ollut.

Järjestetään Liiton kokous

Vuonna 1988 Arvo Survo oli pastorina Pushkinin kirkossa. Kirkosta oli tullut inkerinsuomalaisten keskus. Arvo soitti kitaraa ja lauloi omia laulujaan. 10.09.1988 pastori Arvo Survon taloon tuli 17 aktiivaa. Keskustelimme kansan tulevaisuudesta ja minkälaisen järjestön on perustettava. Yksi mieli oli semmonen: ei tarvitse tehdä vaan kulttuuri järjestöä. On paljon muita kysymyksiä, esimerkiksi ihmisten ja koko kansan rehabilitoiti. Se on jo poliittikaa.

Siinä kokouksessa meidän porukassa oli Leningradin yliopistosta maantiedelaitoksen opettaja Wladimir Kokko. Hän näytti omakirjoittamansa vetoomuskirjeen akateemikko Dmitri Lihacheville joka oli silloin Neuvostoliiton kulttuurivarannon johtaja.

Siinä kirjeessä Kokko kirjoitti lyhyesti itsestään ja Inkerin kansan traagisesta kohtalosta. Missään Inkerissä ei opetettu suomen kieltä. Virkamiehet eivät haluneet nähdä kansalliskysymystä Leningradin alueella. Kirjeenliitteessä me kirjoitimme että uusi aloiteryhmä Inkerinmaa pitää tätä kirjettä yksimielisenä ja alhalle oli pantu 17 allekirjoitusta. Minä muistan että olen vienyt pyynnömme Pushkinin taloon (Makarova ranta 2), jossa Dmitri Lihachev oli työssä.

Myöhemmin syyskuunlopussa ja alkulokakuussa 1988 Aleksei Krykovilla (Vostania kadulla 6) ja Albertti ja Maria Kirjasen talossa (saunassa) me aloitimme perustaa uuden järjestön aloitekokouksen. Samana aikana tapajhui vielä yksi tärkeä tapaus. Maanantaina 18.09.1988 Tehvinän kylässä Albertti ja Maria Kirjasen talossa alkoi toimia ensimmäinen liiton perustama

suomen kielen iltakurssi. Siinä oli 12 kurssilaista. Opettajana oli Aleksanteri Raski.

Inkerin Liitto alkaa toimia

Inkerin Liiton perustamiskokous tapahtui 15.10.1988 Taitassa (Tuaetsassa) Rudolf Erikaisen talossa (Pushkinin kadulla 9). Kokoontui 115 perustuskokouksen edustajaa eri paikoista. Kokouksen veti Aleksanteri Kirjanen ja Albertti Kirjanen nauhoitti kaikki puheet.

Me kauan keskustelimme uuden järjestön nimestä. Arvo Survo ehdotti nimen Inkerin Liitto. Toinen sana kuuluu kansalle koska olemme inkerinsuomalaisia ja toinen sana Liitto yhdistää kaikki työt jotka on tehtävä. Tämä nimi oli hyväksytty.

Koska sääntöjä ei ollut vielä kirjoitettu, niin valittiin kokouksessa Liiton 11 jäsentä, jotka tekivät säännöt ja rekisteröivät Inkerin Liiton. Me päätimme että parempi olisi, jos liitto rekisteröidään Leningradin alueella kiun kaupungissa. Säännöt oli tehty kahdella kielellä, suomeksi ja venäjäksi. Marraskuun lopussa Tamara Lintunen vei kaikki dokumentit alueen hallitukseen.

Tammikuussa v.1989 meitä kutsuttiin alueen hallitukseen keskustelemaan säännöistä. Kutsuttiin yhden tai pari Liiton jäsentä mutta meitä oli kuusi jotka lähtivät keskustelemaan. Alueen hallituksen puolelta taas oli kuusi virkamiestä: Leningradin alueen ispolkomin (oblispolkom) varajohtaja, sihteeri, alueen KGB:n johtaja, sisäasiainjohtaja ja arkiston johtaja.

Keskustelu oli oikein pitkä, koska säännöissämme oli mainittu mm. inkerinsuomalaisten lippu, hymni ja vaakuna. Uuden kansallisjärjestön nimi oli Inkerin Liitto mutta valtion nimi oli Neuvostoliitto. Kyllä nousi kysymys, tuleeko siitä uusi valtio. Meille sanottiin että tulee vaikeuksia Lenoblispolkomin istunnossa. Vaikeuksia ei ollut, ja 30.01.1989 Inkerin Liitto oli rekisteröity.

Ensimmäistä kertaa Inkerin lippu on noussut tavaaseen 04.02.1989, Laskiaisjuhla Inkeri-joen rannalla, Skuoritsan kirkon raunioiden edessä. Röntyski-yhtye tanssi jään päällä, laulettiin lauluja, syötiin bliinejä (= kakkaroit), laskettiin mäkeä.

Seuraavaa Liitomme kokous oli pidetty Pushkinin kirkossa 16.03.1989. Siinä kokouksessa keskusteltiin ensimmäisistä inkerinsuomalaisten juhlista Hatsinassa joita Vihtori Hyyrönen oli järjestämässä. Toinen kysymys oli Liiton jäsenistöstä. Maaliskuussa 1989 liitossa oli vain 78 jäsentä. Kolmantena kysymyksenä oli kirje inkerinsuomalaisten olost Neuvostoliiton Korkeaneovostoon ja Kommunistipuolueen Keskuskomiteaan.

Inkerin Liiton ensimmäinen puheenjohtaja ja ensimmäiset viralliset juhlat

Ensimmäinen Inkerin Liiton puheenjohtaja Paavo Parkkinen oli valittu 23.03.1989 Pushkinin kirkossa. Siinä neuvoston intunnossa päätettiin,

katka lähtevät Tallinnaan ensimmäiseen kansainväliseen inkerinsuomalasten konferenssiin.

Ensimmäiset inkerinsuomalasten pääsiäisjuhlat pidettiin virallisessa paikassa Hatsinan kulttuuritalossa 08.04.1989. Seinällä oli Inkerin lippu. Laulettiin "Nouse Inkeri". Sen laulaessa kaikki nousivat ylös; yhdessä meidän kansamme nousivat läsnäolleet virkamiehet. Siinä me näytimme että olemme kansa, jonka hymnin laulamisaikana on nuostettava kun Neuvostoliiton lipun ja hymnin edessä.

Niissä juhlissa Wladimir Kokko kertoi Inkerin Liiton järjestämisestä, jäsenistöstä ja heimotyöstämme. Sen jälkeen Röntyskät lauloivat "Suomessa minä olen syntynyt", Arvo Survo esitti "Omal' maal" ja "Balladin Inkeristä", Arvo Kemppi Toksovasta – "Linnusta". Tuossa tilanteessa lauloi myös Olga Ostonen. Hän lauloi aika paljon – näin paljon lauluja hän tiesi.

30.04. - 01.05. 1989 Talinnassa tapahtui ensimmäinen kansainvälinen inkerinsuomalaisten konferenssi. Sinne tulivat inkerinsuomalaiset Virosta, Inkerinmaalta, Karjalasta, Ruotsista ja Suomesta.

Juhannus – 1989 ja Hatsinan Inkerin Liiton alku

Touko- ja kesäkuussa 1989 meillä oli 3 kokousta Keltossa, Lounas-Pietarissa (Kokolla) ja Tehvinässä Albertti ja Maria Kirjasen talossa. Niissä kokouksissa oli puhuttu Juhannuksen järjestämisestä. Vielä 16.06.1989 Tehvinässä oli perustettu Hatsinan Inkerin Liiton osasto. Sen puheenjohtajaksi valittiin Vihtori Hyyrönen Hatsinasta.

Ensimmäinen Inkerin Liiton järjestämä Juhannus vietettiin Keltossa 24.-25.06.1989. Juhla kesti kaksi päivää. Juhlille oli tullut suuri joukko inkerinsuomalaisia, niin paikallisia kuin ulkomailta. Monet näkivät ystäviänsä 50-n tai 60-n vuoden kuluttua.

Inkerin Liitto politikassa

1989 vuoden lopussa eri järjestöt ja kommunistin puolue nimettivät ehdokkaita paikallis- ja regionaaliin neuvostoihin. Inkerin Liitto ehdotti 12 jäsentä paikallisneuvostoon, kolmet Pietarin- ja alueen neuvostoon ja yhden Venäjän Korkeaneovostoon. Niistä 6 pääsi paikallisneuvostoihin (Ilmari Kääriäinen Rappulasta, Paavo Soittu Hatsinasta, Reino Hytti Puutostista, Eino Kukkonen ja Vihtori Kukkonen Keltosta, Jalmar Haimi – Zanevski paikallisneuvostosta).

Vuosina 1990-1993 Aleksanteri Kirjanen ja Arne Riitari olivat Pietarin kaupungin kansanedustajina. Samana aikana Aleksanteri Huttilainen oli kansanedustajana Leningradin alueelta.

Näin tapahtuivat Inkerin Liiton synty ja sen ensimmäisen vuoden toiminta.

Aleksanteri Kirjanen

Satovuoden loppu

Inkerinsuomalaiset olivat vanhaan maalauskansaa. Koko heidän elämänsä tapahtui tiheässä yhteydessä maanviljelystöihin. Nykyiset inkerinsuomalaisten jälkeläiset ovat suurin piirtein kaupungilaisia. Siitä syystä vanhat tavat ovat jääneet syrjään. Näin esim. **Mikkelin päivän** sijaan on tullut vasta keksitty **Inkerin päivä**. Ja kuitenkin, näiden ketkä luulevat itseään olevansa inkerinsuomalaisia, pitäisi tietää vanhaa suomalaista perinnettä ynnä kansankalenteria.

Pertun, Perttulin eli **Pärttylin** päivä (24.8) oli suurissa osissa maata ensimmäinen syyspäivä. Maatalouden useimmat työt oli tehty, puuroa ja leipää saatiin jo uudisviljasta. Syksyn metsätyskausi, lintujen ansapyynti saattoi alkaa. **Syys-matista** (21.9, vastakohtana 24.2 olevalle **talvi- tai kevät-matille**) alettiin tuvassa tehdä iltatöitä keinovalossa (jako kesti kevät-mattiin: ”Matti pihdin nostaa, Matti pihdin kaataa”).

Syksyn tärkein merkkipäivä oli kuitenkin **mikkeli** (29.9), jolloin suoritettiin viimeiset maanviljelystyöt (nauriin- ja perunannosto) ja karja tuotiin navettaan. Tästä syystä päivä oli paimenten juhlapäivä, kuten Pohjos-Ruotsin karjamaja-alueella. Vanhempan perinteeseen (etenkin Savossa ja Ruotsin metsäsuomalaisilla) kuului myös mikkelpässin tai -lampaan teurastus. Joissakin osissa maata (Kaakkois-Hämeessä, Keski- ja Itä-Uudellamaalla) pellettiin mikkelitulia. Mikkeli oli myös karjamarkkinoiden aikaa ja v:een 1819 palvelusväen muuttopäivä, jota seurasi **vapaaviikko**. Ortodoksisessa perinteessä mikkeliä vastasi **pokrova** (1.10 vanhan ajanlaskun mukaan).

Mikkelin ja marraskuun alun välinen ajanjakso oli vanhan perinteen mukaan

satovuoden loppuvaihe. Vanhan ja uuden vuoden vaihtuminen tapahtui marraskuun alussa. Välikausi oli 1.11 – 10.11 eli ns. **jako aika**, jota tunnetaan myös inkeriläisessä ja pohjoisvirolaisessa perinteessä. Jakoajan tarkoituksena lienee ollut aurinko- ja kuuvuoden sovittaminen toisiinsa, koska kuuvuosi oli 11-12 vrk. lyhyempi.

Jakoajan alussa oli **pyhäinmiesten-päivä** (1.11) ja **sielujenpäivä** (2.11), ensiksi mainittu v:sta 1816 alkaen palvelusväen muuttopäivä ja vapaaviikon alkupäivä. Sitä kutsuttiin vanhemmassa perinteessä myös **kekriksi** tai **köyriksi**, so. viimeiseksi, vuoden viimeiseksi päiväksi.

Jakoaikaan kuten vuodenvaihteeseen kuului myös vainajien muiston kunnioittaminen. Vanhemman perinteen mukaan 1600-luvulla, etenkin savolais-pohjoiskarjalaisella alueella, teurastettiin tällöin lammasta tai oinaa. Juhlaruokana syötiin myös talkkunaa. Kekrinä kulkivat naamioituneet **kekritäret**, joille tarjottiin ruokaa ja juomaa. Huolimatta myöhemmästä kristillisestä vaikutuksesta on vanhan vuodenvaihteen perinteessä ilmeisesti säilynyt esikristillisiä piirteitä. Monia aiemmin kekriin viettoon kuuluneita piirteitä on sittemmin yhdistetty joulun ja uuteen vuoteen.

Jako aika päättyi **Martin päivään** (nykyään 10.11, v:een 1671 11.11), jolla suomalaisessa perinteessä ei ole suurta merkitystä. Martinhanhen syöminen on joissakin kaupungeissa porvariston keskuudessa tunnettu jo 1600-luvulla (esim. Viipurissa v.1671) ja on todennäköisesti yhteydessä mannermaisiin (saksalaisiin) esikuviin. Samaten on **Kaisan päivä** (25.11) vähämerkityksinen. Se oli lampaiden keritsemispäivä, sillä Pyhä Katariina oli lampaiden suojelija.

Lähde: Ilmar Talve. Suomen kansankulttuuri. 1980. S. 200-201

Albert Kirjanen: «Rehellinen täytyy olla»

Albert Kirjasen saap sanoa kansainväliseksi inkerinsuomalaiseksi. Tavallinen kuljettaja, hän on nyt ehkä tunnetuin inkerinsuomalainen tavallisten ihmisten keskuudessa. Hänet tuntevat kaikki inkerinsuomalaiset, vaikka missä seurassa hän ilmestyisi.

Vuonna 1988 Albert oli Inkerin Liitomme perustajien ryhmässä. Jo silloin hän yritti hoitaa suomalaisten sotaveteraanien asioita. Käytyä kuljettajana joka puolella Neuvostoliittoa hän sai nähdä, kuten kurjasti elivät suomalaiset, venäläiset ja muunkansalaiset. Hän löysi että monet pojat, jotka taistelivat viime sodan aikana Suomen puolella, viettivät vanhuudessaan kurjaa elämää eri alueilla Neuvostoliittoa. Näin Albert käytti vanhat yhteydet ja etsi vanhoja heimolaisia, entisiä Suomen sotilaita, pitkin Neuvostoliittoa, niinkuin neuloja heinäkassassa.

Albert toimi Inkerin Liiton neuvostossa suuren piirtein koko aika, vuoteen 1998 saakka. V:sta 1999 hänen virallinen asuinpaikka on Mäntsälä, puolimatalla Lahdesta Helsinkiin. Vuodesta 2000 hän on Suomen kansalainen. Mutta hän ei ole muuttanut Suomeen kokonaan: nykypäiviin asti hän käy hoitamassa suomalaisia

vanhuksia Inkerissä että sisä-Venäjällä.

Kysymykseen ”Missä nyt elät?” Albert vastaa – ”Siellä missä minun auto tällä hetkellä on”. Hänen elämänsä tapahtuu matkoissa; Albert tuntee itseään olevansa kotona sekä Suomessa että Venäjällä; myös käydessään muissa maissa hän on niinkuin ”maailman kansalainen”.

Albert ei nyt edusta mitään liittoa eikä yhdistystä. Hän sanoo itsestään: ”olen eläkeläinen, vapaaehtoinen työntekijä Inkerin vanhusten hoidon alalla”. Ei siis mitään virallista, vaan voimien mukainen työ. ”Teen mitä voin”, hän lisää. Toisille hän tuo sahan, toisille järjestää talon korjauksen. Ja vielä – mitä kaikki tietävät – hän kuljettaa ihmisiä Suomeen ja muualle, rahaa ottamatta. Tästä työstä hän ei saanut mitään palkkaa. Pahat kielet kertovat kaaskuja Albertista, mutta päivänselvä on se, että hän ei etsi hyvää itselleen. Albert on vapaa, ja hän avustaa näitä, keitä hän omin silmin näkee, ja kutka tarvitsevat apua – hänen mielestä.

Meidän Inkerin Liitostamme, sen entisistä ja nykyisistä johtajista Albert sanoo näin: ”Jokaisella oma elämä ja omat ajatukset, mutta rehellinen täytyy olla”.

A. K.

Inkerin Liitto pitää juhlaansa

Tässä lokakuussa Pietarin Inkerin Liitto, eli Pietarissa ja Inkerissä toimiva inkerinsuomalainen järjestö, täytti 20 vuotta. Tämä on merkittävä ikä – ottaen huomioon, millainen oli Venäjä 20 vuotta sitten. Tästä johdosta 18 päivänä lokakuuta Hatsinassa, jota sanotaan Inkerinmaan epäviralliseksi pääkaupungiksi, Gakkel-house -nimisessä hotellissa kokoontui Inkerin Liiton aktiivi. Yhdessä seurassa kokoontuivat Inkerin Liiton veteraanit ja toimivat henkilöt: **Paavo Parkkinen** ja **Paavo Suomalainen**, serkkuset **Aleksanteri** ja **Albert Kirjanen**, **Niina Sultsi** ja **Slava Väisänen**, **Aleksanteri Huttilainen** ja **Dmitri Poljakov**, **Vladimir Kokko** ja **Olga Konkova**, **Viljo Ostonen**, **Iira Ostonen**, **Antti Syrov**, **Pavel Kryloff** ja muut. Tilanteessa olivat läsnä myös **Olli Perheentupa**, Suomen pääkonsuli Pietarissa, ja Leningradin alueen kuvernöörin apumies **Viatseslav Sanin**.

Aikamme vaikeudet olivat korjaneet monien kansallisaktivistien elämää. Muutamat näistä, jotka aikanaan perustivat Inkerin Liittoa, siirtyivät vähitellen syrjään kunnallisesta toiminnasta. Näin Inkerin Liiton ensimmäinen johtaja Paavo Parkkinen ja Inkeri-lehden entinen päätoimittaja Antti Syrov olivat tulleet yrittäjiksi. Toiset, päinvastoin, ensiksi tulivat yrittäjiksi, ja sitten vasta liittyivät Inkerin Liittoon – kuin esimerkiksi nykyinen Inkerin tupa-kulttuurikeskuksen johtaja **Dmitri Poljakov (Soini)**. Jokaisella oli näet omia syitä tulla avuksi omille kansalaisille rakkaalla kotiseudullaan.

Hatsinan piirin johtaja **Aleksanteri Huttilainen** on yksi näistä harvoista, jotka saivat vallan korkeata tasoa vielä Neuvostoliiton aikana, ja säilyttivät sen toriaikaisella Venäjällä. Hänen osanotto Inkerin Liiton perustamisessa ja sen seuraavassa toiminnassa ei ollut niin huomattava – mutta se oli aika tärkeä, kun ottamme huomioon, että ei kuka muu kuin Huttilainen oli näinä aikoina Taaitan kauppalan kunnallinen johtaja, myöhemmin koko Hatsinan piirin johtaja. Siis ei kuka muu kuin Huttilainen antoi luvan Inkerin Liitolle toimimaan ja viettämään tilanteita Hatsinan piirin alueella, ja kaikki meni hänen vastuulleen. Toisista mainitaan tässä entinen Pietarin kuvernööri **Vladimir Jakovlev**, joka ei kuitenkaan mainostanut suomalaisen

syntyperänsä oleskeluaikanaan vallan Olympoksessa – ja kuitenkin, hän avusti Inkerin Liittoa heti tultuansa virkaan. Nimenomaan V. Jakovlevan osoituksella Inkerin Liitto sai työpaikaksi huoneen Puskinskaja-kadulla, 15.

Tuo ikimuistettava ilta Gakkel-houseessa on jättänyt kaksinaista vaikutusta – samaten kuin koko inkerin-suomalainen toiminta Pietarissa ja Inkerinmaalla. Ajatelkaa itse: kaikki mitä Inkerin Liiton johtajat voivat tarjota seuramme 20-vuotispäiväksi, oli kuoron esitys sekä muoviset muistomerkit. Ilman muuta, kuoromme on erinomainen, mutta kuorolla et kauaksi aja. Surullista oli myös se, että Inkerin Liiton vuosipäivää juhli 35 henkeä, samalla tavallisille Inkerin Liiton jäsenille ei ollut järjestetty mitään juhlaa. Tuo juhla-ateria Gakkel-houseessa oli vain suljettu tilaisuus valituille – jopa Inkerin Liiton toimiva aktiivi ei ollut siinä edustettu kokonaan. Oliko tuossa puhuttu jotakin salaista omasta kansasta? Jos puhua Inkerissä asuvista suomalaisista, niin täytyisi myöntää, että heille ei ollut tässä yhteydessä yhtään syytä juhlaa. Kuka heistä muistaa vielä Inkerin Liitosta, niille tämä vuosipäivä ei ollut muuta kuin muistopäivä.

Ja kuitenkin, kovat optimistit huomasivat tuossa juhlatilanteessa jotain, joka antaa heikkoja toiveita inkerinsuomalaisen kansanliikkeen elpymiseen. Nämä muutamat inkerinsuomalaiset, jotka tekivät yrityksensä ja menestyivät siinä – ja myös nuo, jotka ylenivät virkauralla, eivät unohtaneet suomalaisista juureistaan – eivätkä jättäneet vanhoja ajatuksiaan kansamme noususta. Nämä ihmiset, jotka jaksavat todellista työtä, voisivat parantaa myös Inkerin Liiton tilannetta. Siihen omi edellytyksiä: he ovat voimakkaita ja vaikutusvaltaisia; sen lisäksi he tietävät tekojen ja sanojen hintaa.

Juhla-aterian Gakkel-houseessa järjesti omilla varoillaan yrittäjä **Dmitri Poljakov**, Inkerin tupa -kulttuurikeskuksen uusi johtaja. Tämä fakta puhuu monesta. Toiveet inkerinsuomalaisten nousuun ovat yhteydessä paikallisiin yrityksiin – ja yritysmiehiin, jotka suvaitsevat omaa kansaa ja heimoveljiään. Projektien aika on lopussa. Inkerin Liitto tarvitsee omaa budjettia, joka voi olla perustettu ainakin yritysten pohjalla.

A. Syrov

KRONIKKA

28-30 päivänä kesäkuuta 2008 Hanti-Mansijskissa oli toiminut 5:s Suomalais-Ugrilaisten Kansojen Kongressi. Siinä inkerinsuomalaiset olivat ensi kertaa edustettu eri yksikkönä. Pietarin ja Inkerinmaan edustusto käsitti 9 henkeä, Inkerin Liiton puheenjohtajan **Aleksanteri Kirjasen** johdolla. Paitsi heitä, Kongressiin tulivat inkerinsuomalaisten edustajat Karjalasta, Suomesta, Ruotsista ja Virossa. Inkerinsuomalaisten osanotto Suomalais-Ugrilaisessa Kongressissa ei tarkoittanut paljon, koska inkerinsuomalaisten tila ei ole määrätty – eikä suomen kieli laskettu Venäjän kantakansojen kielten lukuun.

Kongressin johtoi aiheena oli se, että Venäjän suomalais-ugrilaiset kansat häviävät – ja sen kantasyynä on suomalais-ugrilaisien kielten taidon häviäminen. Vuorossaan kielet häviävät siitä syystä että nykypäiväisessä elämässä niille ei ole paljon käyttöä.

Kongressin päätapaukseksi on tullut skandaali. Venäjän Duuman (=eduskunnan) edustaja **Mihail Kosatsov** oli laskenut moneen kertaan sopimattomia lauseita Viron presidentin kohteen. Myöhemmin muutamat Venäjän aluiden edustajat yrittivät muuttamaan suomalais-ugrilaisien kansojen päämajan Venäjälle (nykyään se on Helsingissä). Onneksi heidän yrityksensä ei onnistunut.

6 päivänä heinäkuuta Soikkolan Viistenässä tapahtuivat ”inkeroisjuhlat”. Itse asiassa se oli virallinen tilanne, jonka järjestivät Kingissepan piirin sekä Soikkolan vallan viranomaiset. Juhlan tarkoituksena oli nähtävästi se, jotta näyttää, kuten uudet Laukaanlahden sataman rakentajat ja omistajat huolehtivat paikallisista kantakansoista. Juhlanvietto tapahtui venäjän kielellä, mutta juhlissa kuului jo soikkolaista murretta. Juhlakonsertissa osallistuivat venäläiset lauluryhmät Kingissepasta, komikielinen lauluryhmä Komista, ja myös soikkolaisten lauluhytteet. Yleensä inkerikkoja ei ollut juhlissa paljon: toisilla oli kesätöitä, toiset eivät olleet ilmoitettu. Juhlissa on käynyt TV-ryhmä Suomesta, joka on elokuvan koko tilanteen.

11-13 päivinä heinäkuuta 2008 vietettiin Inkerinsuomalaiset kesäjuhlat Tartossa. Tänä vuonna inkerinsuomalainen liike kaikissa entisissä Neuvostoliiton maissa on täyttänyt 20 vuotta. Viron veljemme näyttivät kesäjuhlien vieraille että eletty aika ei mennyt turhaan. Juhlat olivat järjestetty ja vietetty korkealla tasolla. Konsertteja, seminaareja sekä tapaamisia oli riittävästi paljon. Oli aikaa sopimaan yhteistoiminnasta ja myös kuunnella rauhassa lauluja sekä puheita. Parhaimmat vaikutukset jäivät **Arvi Kempin** ja Tverin inkerinsuomalaisen lauluryhmän (johtaja **Marina Kirppu**) esitykset. Kiitoksia paljon juhlien

järjestäjille, ennen kaikkia **Toivo Kapaselle**, sekä juhlien vieraille.

2 päivänä elokuuta Länsi-Inkerissä, Kupanitsan Ärttylän kylän paikalla, vietettiin ärttyläisten tapaamispäivä. Juhlan järjesti **Nina Ärttö** Hatsinasta. Hävinneen kylän paikalle tuli noin 50 ihmistä, joiden keskuudessa oli sekä entiset kyläläiset että etäiset sukulaiset – jotka nykyään asuvat pääpiirtein Volossovassa, Hatsinassa ja Virossa. Muutamat nuoret saivat nähdä ensi kertaa sukulaisiaan. Juhla kesti koko päivän. Kaikui vapaasti kolme kieltä – suomi, viro ja venäjä. Oli lauluja ja kävelyä, kertomuksia ja ruokintaa. Juhlissa käivät *vallan* (= kunnan) hallinnon edustajat ja ystävällinen lehtimies **Petr Voroshilov** Volossovasta. Inkerin Liittoa edusti **Aleksei Krjukov**, joka oli tehnyt selostuksen Ärttylän kylän vaiheista ja Ärttön suvun juureista. Juhlissa on käynyt Volossovan kotiseutumuseon johtaja **Irina Polevaja**, jonka juuret ovat Volossovan piirin kylissä – ja myös Ärttylässäkin asui aikanaan hänen omaisia.

28 päivänä elokuuta avatiin Pietarin Maneesissa näyttely nimellä ”Kansakunnan yhtenäisyys Nevan rannoilla. Monikaisainen Pietari”. Näyttely oli järjestetty Pietarin kaupungin hallituksen kulttuurikomitean puolesta. Näyttelyesineitä myönsivät Pietarin museot, joiden luvussa Venäjän Kansatieteellinen Museo, Valtiollinen Venäjän Museo ja Eremitaasi. Näyttelyn avajaisissa osallistuivat eri kansallisyhdistykset. Inkerinsuomalaisilla oli näyttelyssä vaatimaton osasto. Koko kansamme edusti **Lyyda Soikka**, joka soitti hanurilla kauniita suomalaisia kansansävelmiä sekä omia teoksiaan. Näyttely oli toiminut syyskuun 17 päivään saakka.

4:nä päivänä lokakuuta vietettiin Inkerin päivä Strelnessa. Tilannejärjestivät Strelnan kauppalan kunnallisneuvoston jäsen, koulunjohtaja **Igor Riehakainen** sekä ”Inkerin Uutisten” toimittaja **Kostja Uljanotskin**. Juhlan vieraille esitettiin elokuva inkerinsuomalaisista, sen jälkeen kunnioitettava **Nina Sultsi** kertoi juhlan vieraille inkerinsuomalaisten sodanaikaisista kärsimyksistä ja myös nykyisistä toiveista. Tämän seuroivat ”Inkerin Uutisten” uuden vihkon esitys ja juhlakonsertti, jolla **Lyyda Soikka**, ”yksin koko Inkerinmaan puolesta”, loistavasti soitti hanurilla suomalaisia kansansävelmiä.

Samana päivänä Inkerin päivä vietettiin myös Toksovassa. Juhlan vietto oli järjestetty ja vietetty Inkerin Liiton Pietarin osaston nuorisoryhmän puolesta.

Koonnut A. Krjukov

Etnilliset puhdistukset ja puhdistajat

Ihmiskunnan historia on täynnä heimosotia. Oikeasti sanoen, se on heimosotien ketju. Näin on meidän päiviimme asti. Heimosotien tuloksena voi olla genocidi, eli vieraan heimon hävitys – tai etnillinen puhdistus, kun vieraita kansoja siirretään pois kokonaan. Etnillisestä puhdistuksesta puhutaan myös silloin, kun kansaa jaetaan moniin osiin ja sitten potkitaan pois maasta. Näin tekivät miehittäjät kanta-asukkaiden kohteen. Divide et impera, opettivat muinoin roomalaiset. Siirretyt ja hävitetyt eivät kuitenkaan suostu kohtaloonsa; niiden keskuudessa syntyvät vastaliikkeet. Voittajien täytyy halkaista nämä liikkeet; muutamille annetaan hyvät mahdollisuudet kehittymään – ja kansa on jo jaettu.

Se, mikä tapahtui Inkerissä, nykyään voi olla sanottu genocidiksi vai etnilliseksi puhdistukseksi – vaikka viime sotien aikana näitä sanoja ei vielä ollut. Inkerinsuomalaisten sekä lähisukukansojen kielissä nämä tapaukset ovat nimetty sanalla *hävitys*. Tavalliset ihmiset ymmärsivät niin, että hävitetään ennen muuta *vieraita kansoja*. Mistä syystä? – siitä vaan, jottei olisi vieraskansoja. Tässä oli muinaisen ihmisen loogikkaa – missä on vieraita, siellä on vaarallista olla. Näin oli muinoin Roomassa, keskiaikoina Iranissa ja Kiinassa, uudena aikana Yhdysvallassa. 1900-luvulla etniset puhdistukset tapahtuivat taas Euroopassa ja Venäjällä.

Viime elokuussa maassamme tapahtui sota. Se osoittautui lyhyeksi ja oli nimetty viiden päivän sodaksi. Se ei ollut mikään heimosota, mutta sodan tuloksena on entillinen puhdistus. Noin 30 tuhatta kanta-asukkaita ovat potkittu kotiseudultaan. Heidän kylät ja talot ovat poltettu; eläjät osaksi tapettu, osaksi ajettu pois. Vielä viime kesänä siellä oli elämä. Oli taloja, tarhoja, karjaa, asui väkeä. Nykyään tämä kaikki on hävitetty – ja sen tekivät meikäläiset, ja heidän teot on sanottu *voitoksi*. Tämä on jo tuttu meille. Inkerinsuomalaiset voivat ymmärtää pakolaisia.

Kun tapahtuu joka uusi sota, me luulemme – näin liene olla viimeistä kertaa. Me toivomme, että löytyy joku, joka pysäyttää sota tai joka estää hävityksen. Mutta tässäkin tapauksessa kansainväliset protestit olivat turhia. Meillä juhliaan *voittoa*. Etnillisestä puhdistuksesta ei puhuta, sensijaan ylistetään voittajia. Hävitettyjen kohtalo ei kiinnosta hävittäjiä. ”Hävitetyt olivat itse syyllisiä” – tämä on heidän loogikka. *Vae victis* – voimassa on vain meidän oikeuksemme.

Kyseinen tapaus ei ollut mikään heimosota, vaan valtioiden sota. Muualla päätetään ongelmia – Venäjällä vasta luodaan selkkauksia. Mitä meille Eurooppa, ollaanhan suurempi Eurooppaa. Kuka vielä sanoo että Venäjä on muuttunut, että se on toisenlainen kuin neuvostovallan aikana? Ei mikään ole muuttunut. Meillä on kaikki entisellään.

A. Krjukov

Tukea puolin ja toisin!

Inkerin Liitto pääsi syntymään aidon kansallisen heräämisen aallon harjalla. Liikehdintä niin kansallisella, kuin kirkollisellakin kentällä 1980-luvun loppupuolella alkoi olla siinä määrin tulosta tuottavaa, että neuvostoviranomaiset alkoivat häiriintyä siitä yhä enemmän.

Kirkollisesti aktiivisten ihmisten panos Inkerin Liiton syntyyn on ollut merkittävä. Ja toisaalta IL jo pelkällä olemassaolollaan oli omalta puoleltaan vaikuttamassa Inkerin Kirkon syntyyn itsenäisenä kirkkona. Varsinkin IKTK:n (= Inkerin Kirkkoa Tukeva Komitea) perustaminen Inkerin Liiton yhteyteen oli yksi täsmäläkkeistä eräissä vaiheissa lukkiintuneeseen tilanteeseen. IKTK:n ei edes tarvinnut kertaakaan kokoontua!

Pian eri tahot joutuivatkin hyväksymään Inkerin kansallisen rovastikunnan, josta oli enää vain pari askelta itsenäiseen kirkkoon.

1990-luvun alamäen jälkeen nähdäkseni nykyään ilmassa (ja Inkerinmaan kamaralla!) on havaittavissa uutta intoa ja rientoa, ehkä nousuakin kansallisissa asioissa. Virheitä, jopa virhelinjauksiakin on matkan varrella tehty. Niistä tulee ottaa oppia ja suunnata eteenpäin. Inkerinmaalla, Pietarissa ja kauempanakin on paljon Inkeri-intoilijoita. Joukossa on huomattavasti myös korkeasti koulutettuja.

Olkon Korkeimman johdatus ja siunaus mukana matkassamme!

Eteenpäin elävän mieli!

Arvo Survo

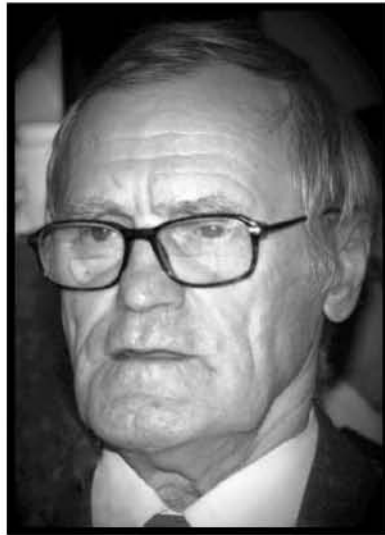
Juhannusväki Keltossa v. 1989

Arvi Kempin muistoksi

Arvi Kempistä sain kuulla poikana, Taavet Pelkoselta. Harjoitin silloin hiihtoa, ja Taavet oli valmentajana. Arvi ja Taavet olivat vanhoja tuttavuuksia, kumpaankin kotoisin entisistä ”palikoonakylästä” – Taavet oli kotoisin Kiurumäeltä, ja Arvi oli Himakkalasta. Arvi ei siihen aikaan asunut Toksovassa; hän eli jossain Petroskoissa.

1980-luvun loppupuolella Toksovassa ilmestyi pikku suomalainen kerho. Muistaakseni sen järjestivät toksovaiset, Anri Alanne ja Toivo Nyyppönen. Kerran, etäisenä keuhkokuivana v.1988, tapahtui tuon kerhon kokous, jossa olin mukana. Asia oli kahvilassa lähellä Toksovan asemaa. Juteltiin venäjäksi. Eräs tuntematon mies kertoi itsestään, että hän oli käynyt eri maissa ja laulanut eri ihmisille, mutta toksovaisille ei kertaakaan. Hän puhui pitkään – näet hermostui – kunnes joku kysyi häntä, ”kukapas sinä sitten olet?” – ”Olen kotoisin Himakkalasta. Onko tässä joku Himakkalasta?” Hetki, toinen – ja kaikki ymmärsivät, että keskenämme ei ollut Himakkalasta ketään – eikä kukaan tiedä, kuka tuo mies on. Ja silloin hän alkoi laulaa.

Se oli Toksovan laulu. Nyt on vaikea uskoa siihen, mutta monet meistä, jos ei kaikki – saimme kuulla Toksovan laulua ensi kertaa. Emmekä tietäneet että sen pohjana oli toinen laulu, *Täällä pohjantähden alla*. Mutta pääasia ei ollut, mitä mies lauloi, mutta – miten hän lauloi. Jo ensi äänellä kaikki vaimeni. Kuuntelimme pidätellen hengitystä. Edessämme oli tavallinen iäkäs mies, mutta hänen korkea äänensä soi kuin hyvin viritetty soitin – pikemminkin kuin viulu. Laulun päätyä istuimme jotakin hetkiä vaihten, ja sitten teimme kunniaosoitusta. Mies lauloi vielä jotain. Asia oli keväällä, ja ilmasta tuntui heinien kukinnan haju. Näin se jäi muistiini.

Arvi Kempin ilmestyminen Toksovassa tarkoitti hänen muuttoa Petroskoista Pietariin. Kohta hänen vanhat yhteydet kotiseutuun vilkastuivat. Samana vuonna 1988, juhannuksessa Rappulassa, Arvi lauloi monia lauluja, joita väki ei tietänyt. Eräs mies kysyi Arvilta ihmitellen, ”mistä sait sitä oppia?” – ”Etkö kuultu enemminkin?” – ”En kuultu” – ”Etkä ennää saa”. Totuudessa nämä olivat oikeita inkerinsuomalaisia lauluja, maalaisromansseja, jotka jäivät jo unholaan – kaikilla paitsi Arvilla. Myöhemmin Arvi kertoi, että parhaita laulujaan hän oli oppinut ollessaan Siperiassa, äidiltään sekä Maritädiltä, joka oli Arvin äidin sisko.

Arvin äiti oli nimeltään Katri, omaa sukua Auvinen, *Sakarimikon* tytär, kotoisin Koivukylän Nurmismäeltä. Vuonna 1927 hän oli otettu miehensä (= naimisiin) Himakkalaan. Katrin sisko Mari oli naimisissa Koivukylässä. Arvin isä, Juho Tommonpoika, oli kotoisin Himakkalan Kempinmäeltä. Talon tarinan mukaan, sukunimi oli saatu paikkakunnan nimeltä. Isoisän mukaan perhettä sanottiin *Tommiloisiksi*.

Vuonna 1990 oltiin jo hyviä ystäviä. Ajatuksemme tekivät uudet talot Himakkalassa, joka autioitui maaliskuussa 1942. Kesällä 1991 yritimme retki Himakkalaan, jossa osallistui noin 30 ihmistä. Käveltiin vanhoja kyläteitä myötä, ympäri Hepojärveä, Taskumäen ja Rajalan kautta. Löysimme Himakkalan mäkiä sellaisina, kuin ne olivat 10, 20 ja 30 vuotta sitten. Näkyi talojen ja *kujien* peruskivet, kellarit ja tiet. Taloja ei ollut yhtään, mutta koko seutu – Puhilaanmäki, Nokelaismäki ja Kempinmäki – oli täynnä kiviraunioita. Oli semmoinen tunne, että kylän elämä lakkasi juuri pari vuotta sitten.

Arvin mielensä reipastui. Hän rupesi rakentamaan mökkiä Toksovassa, hänen emintimän tilassa, ja jopa toimi jotakin aikaa Röntyskien taiteellisena johtajana. Mutta hänen elämänsä Toksovassa ei sattunut. Arvin mökki Toksovassa paloi. Sen poltti – omalla tunnustuksella – eräs naapuri-juoppo. Tuhopolttaja ei elänyt sen jälkeen pitkään aikaa; mutta Arvi ei tahtonut aloittaa uudestaan, ja kohta lähti asumaan Suomeen.

Viime kerran tapasimme inkerinsuomalaisissa kesäjuhliissa Tartossa, heinäkuussa 2008. Arvilla oli asia puoleeni. ”Joko tunnet ketää Himakkala kylästä, kuka vois kertoa, mikä maine ol’ mein isät?” , hän kysyi. Isänsä Juhana Kemppi oli toiminut jotakin aikana kolhoosin johtajana. Arvi luuli että hänelle ei sanottu kaikkia, mitä kylässä oli puhuttu heidän perheestä, *Tommoloisista*, ja hän kaipasi saada tietäväksi jotakin lisätietoja. Vastasin Arville, että tunnen kahta ukkoa, jotka ovat Himakkalasta kotoisin, ja että he asuvat lähellä Pietaria. Olimme sopineet matkasta heidän luokse. En ajatellut että tapasimme viimeisen kerran.

Toveritsa

Eila Argutinan muistoksi

Eila Lahti-Argutina (14. 04. 1937 Petroskoi – 10. 08. 2008 Petroskoi) oli toimittaja ja tieto-kirjailija.

Eila Argutinan isä, kemiläinen Eino Lahti, loikkasi Neuvostoliittoon vuonna 1930 poliittisista syistä, ja kuoli Tšeljabinskin pakkotyöleirillä vuonna 1943. Isän kohtalo selvisi Eilalle vasta 1990-luvun tutkimusten myötä.

Eila Lahti-Argutina valmistui Petroskoin yliopistosta. Hän työskenteli pitkään Neuvostoliitossa ilmestyneissä suomenkielisissä Punalippu- ja Neuvosto-Karjalalehdissä. Neuvostoliiton hajottua hän keskittyi tutkimaan Stalinin vainoissa menehtyneiden suomalaisten kohtaloita.

Lahti-Argutina julkaisi kaksi kirjaa suomalaisten kohtaloista 1930-luvun Neuvostoliitossa. Jukka Rislakin kanssa tehty *Meillä ei kotia täällä* (1997) käsittelee Suomesta 1930-luvulla työn perässä loikanneiden edesottamuksia. Teos oli ehdokkaana Tieto-Finlandian saajaksi ja se on käännetty englanniksi. Vuonna 2001 julkaistiin yli 8000 suomalaista nimeä käsittänyt matrikkeli *Olimme joukko vieras vaan*. Tämä on Eila Argutinan suurin ja tärkein teos ja samalla muistopatsas Neuvostoliitossa kadonneille suomalaisille. Tässä Eila Argutinan teoksessa kerrotaan m.m. inkerinsuomalaisista. Olivathan inkerinsuomalaiset suurin ryhmä Neuvostoliiton suomalaisia. Siis meidän täytyy olla kiitollisia Eila Argutinalle tutkimustyöstään.

Eila Lahti-Argutina keräsi tietoja arkistoista ja hän haastatteli vielä elossa olleita.

Eila Argutina sai kaksois-kansalaisuuden v. 2004 ja muutti pysyvästi Kuopioon, mutta säilytti yhteydet Venäjällä. Hän menehtyi aivoverenvuotoon Petroskoissa. Hän oli kuollessaan viimeistelemässä matrikkelin jatko-osaa.

Arvi Kemppi kertoo Mari-tädistään ja Himakkalan tavoista

Martät’ ol’ naisil Lassimäel, Kiuru Juhanal. Heitä laitettiin Voloktan alueel vuon 1936. Kesäl 1936 laitettiin Lassimäk’ kokonaa ja viel’ monet pienet kylät. Siiretyt ihmist, niil ol’ kurja elo volokotskois. Siel’ olliit kolhoosit niku meil’. Paikallisil’ oli omat varat, a meijen ihmisil’ eijolt varoi. Ne käivät kolhoosis töis, a eijolt mil’ ellää. Koht monet läksiit pois sielt – samal syksyl nuoret, ja ens vuon monet vanhemmatkii. Ja meijen Martät’ miehen kans, hyö juoksiit pois volokotskois.

Himakkalaa ei sil aikaa laitettu, ei olt puhuttakkaa jot meitä laiteta. Himakkala, se ol’ suur kylä, liki 100 talloo. Meil ol’ kolhoosi, kyläneuvosto, puot’ ja koulu. Himakkala, se ol’ niku koko seutun keskus.

Myö elettii Kärpömiäjel, Juosalan talos. En mie näht Juosaloisii yhtää – hyö olliit laitettu pois kylästä vuonna 1930. Heitä laitettiin kulakkoin. Talo jäi, ja se annettiin meil.

Meijen isä ol’ kolhoosin puhejohtajan Mistolas. Se ol’ 20 kilometriä matkaa meist. Myö oltii koton, a isä käi töis Mistolas. Tiä ei kestant pitkää aikaa. Kerran suatit tietää jot isä vankittii Mistolas.

Se ol’ vuon 1937. Siin aikan paljo muitakii vankittii. Puhilaammijäjel eelliit livost, talon nimelt heit kutsutti Hännikäisiks. Heil’ olliit isä ja äit’ vankittu. Rintalaps jäi vanhempiin lapsiin hoitoon.

Samun vuon Martät’ miehen kans tulliit meil. Hyö tulliit salla, ja heijen

pit’ olla hiljaa. Mutt himakkaloist olliit sellasii ihmisii jot heil eijolt mittää salla. Kons kyläs ol’ vieraita, se koht tul’ tietyks kaikil. ”Tommiloisil on vierat – mäännää katsomaa!” Ja ne tulliit talloo – eivätkä luppaa kysyneet. Ja istuit nii kavvaa ku tahtoit.

Se ol’ tapana, nii jot et sais ajjaa heitä pois. Hyvä ol’ se, jot ei huolint huastaa heijen kans. Myö tehti meijen asjat, a ne istuit niku koton. A toisin ol’ nii. Mäntii puotii; puot’ on kii. Ne tulliit meil ja istuit, käivät uottamaa ku puot’ kävvyv auk. Ne olliit naisii kyll. En nyt muista, kui vanhat, no nuorii ne eivät olleet. Tyhmii ja uteljaita oltii. Heijen syyst meijen kylän ihmisii kutsutti – *himakkalan hullut*.

Toimittaneet

A. Krjukov ja M. Muslimov

«Инкерин Лийтто» – 20 лет

15 октября 1988 года в посёлке Тайцы Гатчинского района Ленинградской области состоялся учредительный съезд общественной организации ингерманландских финнов – «Инкерин Лийтто». В том памятном собрании участвовало 115 человек. Многие из них и сейчас, через 20 лет, живы и здоровы, и даже доступны для общения. В том числе и все пять бывших председателей «Инкерин Лийтто». В связи с 20-летием нашей организации, в редакции газеты «Инкерин» возникла идея предложить ветеранам Инкерин Лийтто прокомментировать историю «Ингерманландского союза» и оценить результаты его работы.

Для облегчения этой задачи редакция газеты предложила наиболее известным участникам «Инкерин Лийтто», в том числе всем его бывшим председателям, высказать свое мнение по следующим вопросам:

1. Каковы, на Ваш взгляд, результаты деятельности «Инкерин Лийтто» в Петербурге и Ингерманландии за прошедшие 20 лет?
2. Какое значение для простых людей – ингерманландских финнов имела деятельность «Инкерин Лийтто»?
3. Насколько работа «Инкерин Лийтто» соответствовала и соответствует его первоначальным и уставным задачам?

Конечно, в ходе работы с нашими уважаемыми собеседниками затрагивались и многие другие вопросы.

Приступая к выполнению нашей задачи, мы не сомневались в преданности наших давнишних товарищей – патриотов финского языка и финского народа Ингерманландии – нашим целям, ради которых была создана организация «Инкерин Лийтто». С большой радостью отмечаем, что почти все, к кому мы обратились с нашими вопросами, подошли к делу ответственно и серьезно. Надеемся, что и мы справились со своей задачей.

Редакция газеты «Инкерин»

Пааво Парккинен: первый председатель

Родился в 1948 году. В прошлом – музыкант. Был в числе учредителей «Инкерин Лийтто». Председатель «ИЛ» в 1988 – 1989 годах. В настоящее время – предприниматель. Проживает в Ленинградской области.

Я считаю, что такая организация как «Инкерин Лийтто» абсолютно необходима.

Её цель – быть хоть представителем малочисленного народа, который на своём поле уменьшается.

Первоначальный этап развития «ИЛ» был очень ярким, свежим, он дал людям возможность ощутить себя хозяевами своей судьбы, поднять уровень самосознания, дал возможность подняться с колен – ни больше, ни меньше. И в этом заслуга инициаторов создания «ИЛ».

«ИЛ» стал в первую очередь площадкой для общения, первой абсолютно легальной структурой для взаимодействия и сотрудничества рядовых ингерманландцев, простых наших соплеменников. В нынешней ситуации «ИЛ» превращается в кружок для людей по интересам – где, к счастью, ещё имеет место просто общение между людьми. Но больших задач, думаю, «ИЛ» решать уже не в состоянии ввиду значительного

уменьшения числа носителей ингерманландской культуры.

Главная заслуга «ИЛ» состоит в том, что узнали наши соседи, славные русские люди, что есть коренное население, ингерманландские финны – нормальные люди, которых в нашей многонациональной стране не сравнить ни с кавказцами, ни с народами Азии и Востока. Они спокойные, коммуникабельные, доброжелательные, с конструктивным мышлением. Эту мысль донёс «ИЛ».

По мере развития ситуации в стране и в мире и в нашей ингерманландской среде получилось, что организация «ИЛ» постепенно обростала теми чертами, которые характерны для бюрократических структур. И от этого началось снижение его популярности. К этому привели два момента:

1) уменьшение численности финнов в Ленинградской области в связи с отъездом значительной их части за границу,

2) очень динамичное развитие всего окружения.

С первым обстоятельством понятно. Второе требует пояснения. Наш регион, будучи одним из самых развитых в стране, сравнительно быстро включился в новую экономическую реальность. На этом фоне первоначальные задачи и цели «ИЛ» оказались невыполнимыми. На дворе был уже рыночный капитализм, а мы пытались сделать колхозную организацию, социальный проект. В новых условиях всё то, что относилось к этому сектору, оказалось невыполнимым, и только отвлекало силы от реальных задач.

В бюджете есть целые статьи государственных расходов, которые направлены помощи малочисленным народам в деле сохранения их культуры. Но поскольку у нас нет опыта работы с чиновниками, с бюджетом, мы пугаемся в трёх соснах, и с

большим энтузиазмом занимаемся проблемами непризнанных народов, чем своими собственными, пусть и рутинными (речь идёт об участии «ИЛ» в организации непризнанных народов – А.К)

Считал и считаю, что ингерманландская общность здесь, в России, была в состоянии достичь хороших результатов, если бы остался интеллектуальный потенциал, который был в Питере и Петрозаводске. Пусть это было бы в сфере частного бизнеса, в сфере творческих направлений. Мне виделось, что здесь было место для применения ингерманландско-финского интеллекта и опыта.

«ИЛ» родился «с чистого листа», на незамутнённой любви ингерманландских финнов к своей малой родине – не в пример многим другим национальным организациям. «ИЛ» родился на волне истинного национального подъёма. Если кто-то и преследовал какие-то иные цели, то они находились в гармонии с моими представлениями о национальном возрождении. Я принимал участие в рождении и становлении этой организации. Мои коллеги по «ИЛ» были такими же. Конечно нас преследовали вниманием «гэбэшники». Но это не была игра в национальное возрождение, это была настоящая борьба. Она велась мирными, демократическими средствами. К счастью, мы не встречали самых одиозных форм зажима и давления.

Я разделяю мысль о том, что бегству ингерманландских финнов из нашей любимой Ингрии умело подыграли КГБ и незадачливый, отчасти наивный, президент Койвисто. В моём понимании никакого стовора между ними не было, это были действия «по умолчанию»: открыли границы – и стадо пошло. Хотя каждый мог бы остановиться и подумать – нет ли здесь какого-то подвоха? Не теряю ли я больше, чем могу обрести там?

Считаю деструктивным участие «ИЛ» в процессе миграции наших соплеменников в Финляндию. Это глубочайшая ошибка. В этом мире и без нас достаточно беженцев. В моём понимании это было бегство от хорошего к худшему. От этого процесса «ИЛ» надо было дистанцироваться, поскольку этим переселением решалась совершенно чуждая нам задача пан-финского характера, несовместимая с ингерманландским возрождением. Трудно было не только действовать, но даже общаться с контингентом, состояние которого можно определить словами: «был человек, а назавтра его уже нет».

Обслуживая переселение в Финляндию, «ИЛ» работал «по факту» – был сзади, а не впереди процесса. Вместо того чтобы сказать своё слово, обозначить позицию, пошли по самому простому пути: предлагают деньги – надо брать. Последствия этого решения были подобны вышибанию табуретки из-под собственных ног.

Правомерно ли сегодня считать «ИЛ» финской организацией – трудный вопрос. Думаю, что «ИЛ» можно считать организацией, представляющей ингерманландских финнов – на фоне отсутствия сопоставимой организации – представителя ингерманландского народа. Считаю, что до тех пор, пока есть общение, пока есть люди, которые называют себя ингерманландскими финнами, до тех пор «ИЛ» должен выполнять свою задачу – быть местом общения наших соплеменников.

Блистательный Петербург тоже является неотделимой частью нашей ингерманландской культуры. Участие ингерманландских финнов в становлении Петербурга – неоспоримый факт. В благородстве и спокойствии Петербурга, его стройности и уравновешенности есть частица нашей финской природы.

Записал и подготовил к печати
А. Крюков

Родился в 1940 году. В прошлом – рабочий завода «Буревестник». Председатель «ИЛ» в 1990 – 1992. Председатель Гатчинского общества «Инкери-Сеура» в 1992 – 1994. С 1995 года проживает в Финляндии.

Сейчас трудно вспомнить все цели и задачи деятельности «ИЛ» согласно первой редакции Устава, поэтому попытаюсь кратко рассказать, что, на мой взгляд, из задач было главным на то время и что удалось сделать. К сожалению, мне придётся ограничиться очень коротким периодом 1989 - 1995, т.е. периодом своего активного участия в работе «ИЛ».

Давайте для начала вспомним, а какое это было время, конец 1980-годов! В СССР бушевали перестроечные страсти. Массы людей словно проснулись от векового сна. Критика истории из кухонь перешла на страницы многих (не всех) печатных изданий. Некоторые, воспользовавшись относительной свободой слова, в одиночку, порой наивно, пытались добиться каких-то конкретных изменений и результатов, но только найдя единомышленников, смогли создавать действующие организации – естественно, общественные – поскольку компартия и КГБ всё ещё владели разрешительной, запретительной и контролирующей властью.

Условия для организованной деятельности ингерманландских финнов, разбросанных по необъятным просторам Союза, были не равноценными и далеко не самыми благоприятными. И не случайно компактно проживавшие и уже тогда сравнительно неплохо владевшие родным языком финны в небольшой Эстонии, пользуясь благожелательным отношением печати, местного населения – да и что скрывать, властей, борющихся за свою свободу и независимость, сумели первыми официально зарегистрировать свою организацию. Ленинград с областью и Карелия следовали по пятам.

Наши ресурсы

Активистами объединения финнов в Ленинграде и области стали относительно молодые прихожане Пушкинской

Виктор Хюренен: первые годы «Инкери Лийтто»

церкви во главе с Арво Сурво, а также их друзья и знакомые. Это было удивительное время! Первый раз встречались совершенно незнакомые люди, но было ощущение, словно, после долгой разлуки встречались давние друзья.

В «ИЛ» все были равны: беспартийные и коммунисты, верующие и атеисты, высокообразованные и не очень. Важен был национальный настрой.

Друзья друзьями – но тогда, в 1989-м, надо было начинать работать. А что мы имели на момент создания «ИЛ»? А ничего. Ни помещений, ни телефонов, ни транспорта... А самое главное, у нас не было опытных организаторов и людей, владеющих финским языком. Буквально всё приходилось начинать с нуля. Но было страстное желание, несмотря ни на что, добиться исполнения множества идей и замыслов. Это желание искупало недостаток опыта и всего остального.

В общественных организациях не выбирают избранных, а работают с теми, кто есть. Важно было каждому активисту найти дело, которым он хотя бы чуточку владеет, и – а это главное – которым хочет заниматься. Так, например, Слава Вяйзьянен занимался учебными вопросами, и попутно, вместе с Александром Пюльзю и Урхо Мондонен, развитием фермерских хозяйств, а Леонид Гильди судьбами людскими, реабилитацией.

В те времена был большой спрос на ингерманландские материалы, и интервью давали все кто угодно. Это было бы очень хорошее явление, если бы люди говорили о своём личном или семейно-родовом опыте, не обобщая, потому что историей Ингерманландии вообще никто не владел. Поэтому мы были вынуждены для связи с прессой выделить Владимира Кокко и Александра Кирьянена. Конечно же, они занимались и другими вопросами – в частности, Александр – и кстати, очень успешно – занимался поисками советских антифинских указов и постановлений, а Владимир учебными, и как секретарь, организационными вопросами. Многие члены совета – например, Пааво Парккинен, Тойво Весикко, Пааво Лаукканен, Александр Руотси – были по горло загружены работой в своих первичных организациях и приходах.

Конечно же, нельзя не упомянуть нашего ингерманландского Лённрота, Алексея Крюкова, который не всегда состоял в совете, да особо туда и не стремился, поскольку полностью был поглощён, думаю, без преувеличения, делом всей жизни, а именно, не изучением, нет, а составлением истории Ингерманландии. Через судьбы тысяч встреченных им людей, десятков

составленных деревенских карт, он в историю Ингерманландии вписал свою, исключительно ценную и самобытную страницу. Это его исследование было не хладнокровным сбором сведений, а неподдельным, искренним интересом и участием к судьбам и жизни людей. Немало довелось мне в отдалённых деревнях встретить людей благодарных ему даже за одно то, что пришёл к ним и выслушал. А слушать Алексей умеет, как никто. И потом, Алексей очень тепло относился к Финляндии. Немногие, даже члены совета «ИЛ», в 50-ую годовщину выстрелов 30.11.1989 года поехали в Майнилу, а Алексей был активным организатором похода и участником трудных многочасовых переговоров с КГБ и милицией на мосту через Сестру-реку. Такое поведение не забывается.

Конечно же, хотелось бы упомянуть всех бескорыстных организаторов и помощников – это обязательно будет в других материалах.

Работы хватало всем. О достигнутых результатах тогда вообще не говорили – нельзя было на это тратить драгоценное время, на очереди стояла масса других срочных, неотложных дел. Это была жизнь в таком бешеном ритме, что сейчас просто страшно даже вспоминать.

Было очень важно не перегружать людей, чтобы сил у них хватало не на короткий спринтерский забег, а на длинную марафонскую дистанцию, которая называется жизнью. Думается, председателю за счёт своего ночного сна это иногда удавалось, но ему и было легче, чем многим, потому что он не работал в «ИЛ», а жил «ИЛ».

Как ни странно, но работу председателя и правления «ИЛ» облегчало наличие различных идей и проектов, нам никогда не приходилось задумываться, чем бы заняться. Подготовка учителей финского языка; обучение детей и взрослых финскому языку; систематические поездки детей в летние лагеря и финские семьи, а пожилых людей на отдых в Финляндию; приобретение учебников и создание библиотек (только очень жаль, что библиотеками пользовались лишь единицы). Организация рождественских и летних праздников, концертов, кружка кантеллистов с участием педагогов-консультантов из Финляндии. Спортивные мероприятия – в том числе организованные Всеволожским отделением «ИЛ» пробеги по Дороге жизни, лыжные соревнования, даже участие, причём очень удачное в «Юоклан виести» – Олимпиаде по ориентированию, приём различных зарубежных и отечественных делегаций и гостей, распределение гуманитарной помощи нуждающимся... Да разве всё вспомнишь? 2-я международная кон-

ференция ингерманландских финнов в Гатчине в 1991 году. Выставки картин ингерманландских художников. Праздник в честь 130-летия Колпанской семинарии с докладом профессора Академии Сибелиуса Рейо Паяма, выставкой фотографий и концертом в Гатчинском Доме культуры. Всего не упомнишь – уж слишком было наполненное событиями время.

Постепенно мы обзаводились и различным имуществом, а самое главное, хотя и арендованными, но собственными помещениями – в первую очередь, в Гатчине и Ленинграде. Теперь людям было куда приходиться, куда звонить. Ну и церкви, естественно, служили местами для встреч и проведения мероприятий. Появились первые транспортные средства и у «ИЛ», и у приходов, а в 1991 году даже компьютер. Жить стало полечче.

К сожалению, в 1992 году микроклимат в Совете общества – а значит, естественно, и в целом в «ИЛ», сначала в завалуированной, а на ежегодной Конференции уже в открытой форме, заметно ухудшился. Пропала открытость, в ущерб общему делу началось создание группировок.

Особенно на Конференции 1992 года проявилась наша неопытность в демократических формах руководства общественными организациями. Изменения в Устав требуют изучения, подготовки, в течение минимум 1-2 лет, а не сиюминутного решения. Так принято в Суоми и других развитых обществах. Устав надо уважать, как Конституцию – нравится или нет. Это уже потом «ИЛ» Швеции на свои средства обучила актив нашего «ИЛ» главным принципам организации и ведения дел. Но это было потом. А в 1992-м привыкших к хаосу и неразберихе людей было нетрудно склонить к необдуманным поступкам и решениям. Вот и на Конференции 1992 года дело иногда доходило до смешного. Согласно Уставу Конференция должна была обсудить проделанное, оценить нынешнее состояние, наметить задачи на ближайшее время и перспективу. Но никакого обсуждения не было. Хотя нет. Два выступивших делегата, а именно, всеми уважаемые Арво Сурво и Пааво Сойтту обвинили Совет, т.е. председателя, в том, что мы не добились независимости Инкери. Ну что можно было на это сказать? Да, были аплодисменты. Для серьёзной организации, какой я считал «ИЛ», всё это было очень, мягко говоря, несерьёзно. Но многие, как я заметил, просто нетерпеливо ждали выборов, ради чего, они, собственно, и собрались. Ведь всё уже было, в тайне от многих членов совета, заранее подготовлено.

Виктор Хюрнен: первые годы «Инкерин Лиитто»

Окончание. Начало см. на стр. 7

Можно же было решить вопрос по-людски. Да сказали бы прямо, что у них есть другая кандидатура, ты не устраиваешь нас. С другой стороны, основную задачу я выполнил: «ИЛ» завоевал авторитет, связи и контакты налажены, интересные проекты работают. Я мог со спокойной совестью уйти и продолжать работу в Гатчине.

Ну где это видано, чтобы уставные сроки полномочий скоропалительно, без обсуждения и подготовки меняли в угоду чьим-то амбициям? Увы, так было в «ИЛ». По уставным правилам это было безграмотное решение, а по-человечески — так просто непорядочно. И к чему было, не думая о будущем, устраивать весь этот фарс, который расколол «ИЛ» на Питер и Колтуши против Гатчины? В какой-то степени это противостояние сохраняется даже 16 лет спустя. В «Инкерин Лиитто» очень многим стало неуютно. К сожалению, подобная практика в дальнейшем стала обычной в «ИЛ».

Информация

Думается, главной задачей «ИЛ» на момент создания было найти каждого нашего соплеменника, донести до них цели и задачи «ИЛ» и на этой почве добиться объединения народа.

Передача информации была важнейшим средством для достижения этой цели.

Поначалу работу «ИЛ» предполагалось территориально ограничить г. Ленинградом и Ленинградской областью — собственно, это вытекало из Устава и условий регистрации Устава. Но и область — немаленькая. И если в Ленинграде (включая Красное Село, Пушкин и Петергоф) и центральных районах области, как то — Гатчинском, Всеволожском, Ломоносовском, Волосовском — где уже к 1990 году заработали лютеранские приходы и отделения «ИЛ», или люди ещё раньше посещали Пушкинскую церковь, дело довольно быстро пошло на лад, то постепенно нашлись активисты движения в Книгинском, Тосненском, Кировском, и даже Выборгском районах. Но даже в 2000-х годах, встречаясь с ингерманландскими финнами и их наследниками в таких районах, как Подпорожский, Лодейнопольский, было странно слышать, что они и не слышали об «ИЛ». Видимо, не намного лучше обстояло дело в Бокситогорском, Тихвинском и прочих отдалённых районах, особенно, если не было сведущих родственников из других районов.

В поиске людей финского происхождения, очевидно, в Гатчине пошли дальше всех. Используя паспортные толы и, найдя практически в каждом населённом пункте одного или нескольких активистов, нам удалось найти и занести в списки — нет, не «ИЛ», а в списки финнов и имеющих финские корни — думаю, не менее 90%. Конечно же, важнейшую роль в этом деле сыграли и публикации наших материалов в местной газете.

Эти публикации помимо информации помогали людям преодолевать вполне объяснимую в то время излишнюю осторожность, а то и откровенную боязнь людей на протяжении десятилетий подвергавшихся гонениям и унижениям. И не случайно уже в 1991 году количество членов Гатчинского отделения перевалило за три тысячи.

Рассылая сотни экземпляров «Гатчинской правды» с нашими материалами и страницей «Омал' маал'» (около 40 выпусков на русском языке и около 10 на финском) в другие районы области, а также по всему Советскому Союзу, мы способствовали там пробуждению финнов к деятельности и созданию национальных обществ.

Конечно же, в конце 80-х и в начале 90-х годов основная информация распространялась через церкви и церковные общины, которых с каждым годом становилось всё больше. И церкви практически всегда были переполнены. Да и инициаторами возрождения приходов в основном являлись активисты «ИЛ». Поэтому приходы в то время были, как правило, национальными.

С печатным словом дело обстояло, прямо скажем, плоховато. Виною тому было отсутствие пишущих людей. Большинство людей было занято добыванием средств для существования своих семей, поиском продуктов и отовариванием талонов/купонов на чаще пустых магазинных полках.

С 1993 года выпуски «Омал' маал'» на финском языке, даже несмотря на собственную типографию, стали появляться всё реже и реже. В первую очередь это было связано с запуском финансируемой Финляндией «программой Инкерин» по строительству пансионатов для престарелых, которая была очень важной и сорвать которую мы не имели права. Соединить строительство с его таможенными и др. проблемами и выпуск газеты, включающий в себя и подготовку материалов, и макетирование, и печать, было абсолютно невозможно.

Тем не менее, и «Гатчинская правда», и другие районные газеты — во Всеволожске, Волосове и Зеленогорске — со своими скромными ингерманландскими страничками и материалами свою задачу в то время выполнили.

Интересные публикации по ингерманландской тематике появлялись в то время в журнале «Пуналлиппу» (позднее «Карелия»), в которой работал сильный коллектив ингерманландских авторов, а также «Суомен Силта», который в Союзе могли бесплатно получать все желающие финны. Некоторые подписчики получали «Инкерияйстен виести» из Хельсинки.

В областной и центральной прессе, а также по местным каналам радио и телевидения наши материалы выходили очень редко, скорее случайно. Но выходили.

Ещё одним важным средством передачи информации и объявлений в то время служила, как в Финляндии го-

ворят, «тускарадио», т.е. по цепочке от человека к человеку.

Сегодня остаётся только удивляться, как при тогдашних условиях и наших возможностях нам удавалось собирать на мероприятия очень даже значительные количества людей. Так, например, на первое неофициальное собрание ингерманландских финнов в Гатчине 8.4.1989 собралось около 300 человек да плюс два видеосъёмщика из горкома и КГБ. О возможности выступления в Гатчине объединённого хора ветеранов Хельсинки и Эспоо летом 1989 года мы узнали всего за два дня до концерта. Тем не менее, концертный зал Дома культуры на 400 человек был полон. Уже первый летний праздник (Юханнус) 1989 года в Колтушах собрал не менее 2000 - 3000 человек. Ну а рекорд 1990 года в Туутари, куда по оценке м«ИЛ»ищи приехало около 8000 участников, вообще вряд ли когда-нибудь будет побит.

Финансы

Совершенно очевидно, что без денежных средств ни одна общественная организация не только работать, даже существовать не может. На помощь местным «ИЛ» и федеральным властям в те годы «ИЛ» надеяться не приходилось. Не помню случая, чтобы от них хоть бы копейку получили. На наше счастье в Финляндии был организован сбор средств для ингерманландских союзов СССР, которые по представлению Суоми-Сеура и были подделаны между тремя союзами. «ИЛ» досталось что-то порядка 80 000 FIM.

В «ИЛ» был неофициально, конечно, принят такой принцип — взял со счёта (разумеется по доверенности Правления «ИЛ» и в присутствии руководства Суоми-Сеура — поскольку счет в банке был на имя Суоми-Сеура) — в ближайшее время вложи на счет не меньшую сумму. Когда в конце весны 1992 года дела принимал новый председатель, сумма на счету была даже больше первоначальной, хотя за период 1990-1992 годы из крупных приобретений были куплены типографское оборудование за 30 000 FIM (нач. цена 45 000 FIM) и два больших подержанных автобуса за смешную сумму, те же 30 000 FIM (около 3 500 евро — начальная цена была ровно в два раза выше). Были и другие затраты и приобретения для «ИЛ», но суммы были небольшие.

Как же мы возместили потраченную сумму? Точно сейчас не помню, но думаю, порядка 1000-1500 FIM внесли на счёт (никаких наличных!) после небольшой душевной беседы Рейно Мулло и два Павла — Синкконен и Пумалайнен, переехавшие жить из Гатчины в Финляндию. Но львиная доля суммы была получена на концертах кантора прихода Кестилиа Юлии Хюрнен от входных билетов, в качестве пожертвований, прибыли от лотерей, распродаж и раздач открыток с указанием банковского счета Суоми-Сеура для пожертвований. В этой

связи хочется упомянуть мероприятие организованное женским Союзом Март из Ювяскюля, на который собрался почти весь бывший Гатчинский хор со всех уголков Финляндии, и который принёс нам существенный доход.

Что происходило с этим счётом в дальнейшем, надолго ли его хватило, что приобреталось и как пополнялся, мне неизвестно.

Ещё один вопрос, мотивы которого многим неизвестны или были в своё время искажены, требует пояснения. В 1993 году, как назло, проходила, в России это часто бывает, перерегистрация всех общественных организаций. Перерегистрация «ИЛ» никак не удавалась. Из Питера нас просили ждать, ждать... Но в связи со строительством Таицкого пансионата и необходимостью быстрого оформления всех разрешений, в том числе, в некоторых московских учреждениях, на землю, на ввоз стройматериалов и др. оборудования из Финляндии, мы были вынуждены, ни в коем случае не отрицая членства в «ИЛ», зарегистрировать свой Гатчинский Инкерин-сеура. Естественно, вынуждены были открыть и свой банковский счёт. Это ещё ничего, совет «ИЛ» нас вроде бы понял.

Гром грянул перед очередной конференцией в 1994 году, когда выяснилось, что бюджет Гатчинского Инкерин-сеура почти в 100 раз превысил бюджет всего «ИЛ». В Гатчину, вместо того, чтобы поздравить с успехом, зачастили из Питера делегации и, не понимая абсурдности ситуации, стали требовать то часть прибыли, то автобусы и грузовики, то типографское оборудование... Честное слово, было обидно. Словно вернулись в Советский Союз.

Теперь, в 2008 году, всё это осталось далеко позади. Ну и слава Богу!

Международные связи

Финляндия была, есть и остаётся важнейшим союзником и партнёром «ИЛ» за рубежом. В этом нет сомнений сейчас, не было и 20 лет назад. Но эти, теперь такие прочные, казалось бы, всегда существовавшие отношения, надо было создавать ещё в те советские, а потом уж и неизвестно какие, но в очень смутные времена.

Первыми показательным шагом в признании нашего движения пусть и не официальных органов, а прессы, явилось появление финского ТВ на собрании в Гатчине 8.4.1989 г. и оперативная демонстрация репортажа в поздних вечерних новостях первого канала. Не исключая, что именно наше твердое заявление о том, что «собрание будет проведено в любом случае, пусть даже в Ленинском сквере, и пусть финское ТВ снимает, как к финнам относятся в СССР» повлияло на то, что горком партии предоставил-таки нам зал заседаний горсовета — всего за 15 часов до начала собрания. С кем несколько дней советовался 1-й секретарь Б. Новиков, нам неизвестно, но ещё накануне он ездил в обком, а по возвращении дал добро. Вот такие были времена. Наличие финского ТВ на празднике 1990 года в Туутари уже никого не удивило.

Отношения с Финляндией развивались, в основном, по четырём направлениям: на официальном уровне с министерствами и Парламентом, по линии различных религиозных и общественных организаций и на уровне муниципалитетов. Разумеется, самым массовым явлением были отношения на простом человеческом уровне. И все четыре направления, во всяком случае для нас, были одинаково важными.

Но все эти четыре направления объединяло одно непереносимое условие – мы обязаны были прежде всего вызвать доверие у финской стороны. Думается, нам это удалось. Не потому ли, практически все наши проекты и предложения были ими одобрены, поддержаны и многие частично или полностью профинансированы. Собственно говоря, желание испытать свои силы и с учётом кое-каких языковых возможностей в этом чрезвычайно многогранном и сложном деле налаживания к 1990 году назревших контактов на таком уровне и побудили автора этих строк согласиться на просьбу участвовать в выборах Председателя «ИЛ» в качестве кандидата, хотя журналистская работа и привлекала.

Осенью 1990 года мы вручили премьер-министру Харри Холкери и руководителям всех партийных фракций Парламента своё Обращение к Правительству и Парламенту страны. И что вы думаете? Финляндия взяла да и выполнила все от неё зависящие пункты нашего Обращения.

Воплощённых в жизнь проектов и по линии просвещения и образования, и сельского хозяйства, и визовых дел было немало, но хочется особо упомянуть о нескольких проектах.

«Проект Инкери» зародился в 1990 году и был результатом поездок по деревням области и знакомством с непростой жизнью ингерманландских бабушек и дедушек. В будущем, конечно же, ожидалась перемена – но было ясно, что в худшую сторону. Началась почти детективная история, целью которой было привлечение к проекту финской стороны. Тактика нашего поведения была разработана вместе с «крёстной мамой» этого проекта, супругой Генерального консула ФР Хеленой Люра. Она организовала, а мы в рамках проекта принимали многие ключевые фигуры политической и экономической жизни Финляндии, в частности, председателя комиссии Парламента, в скором будущем министра финансов Йоуко Скиннари. Но, пожалуй, самой впечатлительной, а может и действенной, была поездка по деревням, по непролазной грязи делегации порядка 50 человек. Это были опять же депутаты парламента, мэры и другие первые лица крупнейших городов и общин Финляндии. И проект заработал!

Теперь некоторые пансионаты «ИЛ» подарил Церкви Ингрии, и в этом не было бы ничего плохого, если только будут сохранены основные принципы приёма и обслуживания ингерманландских финнов, нуждающихся в крове и уходе. В конце концов, здесь очень многое, если не всё, зависит от персонала центров.

Второй социальный проект по заказу «ИЛ» касался компактного

размещения в Финляндии и вообще обустройства в стране ингерманландских ветеранов финской армии. Зная о неоднозначном отношении к проекту многих активистов «ИЛ» как в Петербурге, так и в Карелии, проект был подготовлен в Гатчине. И вновь, как и в проекте Инкери, большую положительную роль сыграл начальник отдела Министерства соцобеспечения и здравоохранения Пекка Питсинки.

Ещё один, более поздний проект многоцелевого центра в Гатчине уже с подписания договора на аренду помещений был обречён – чтобы этого не понимать, надо было совсем не знать российских порядков. Для хозяев здания главным был капитальный ремонт на финские деньги многих помещений – ну а состоятельные арендаторы в такие апартаменты всегда найдутся.

Помощь и поддержка, которую в то трудное время становления оказывали различные организации, в первую очередь Суоми-сеура, который возглавлял тогда Мартти Хяйкиё, трудно переоценить. Многие приходы, а значит, и районные организации, такие как Питер, Колтуши, Токсово, Гатчина, Губаницы, Пушкин, Скворицы, Туутари, Тюрё, Выборг и Кингисепп приобрели дружественные приходы и общины в Финляндии. С финской стороны это была не просто дружба, а кое-что по-настоящему. Перечислить всё просто невозможно. Давайте же помнить об этой бескорыстной помощи.

Отношения со Шведией, а точнее, с «ИЛ» Швеции были более простыми и однозначными – ездили друг к другу в гости и обменивались новостями. Позже эти связи приняли более меркантильный характер, но я лично в этом уже не участвовал. Однако когда мы в обществе ветеранов весной 2007 года создавали Кризисный Фонд, «ИЛ» Швеции принял в этом проекте самое активное и плодотворное участие. Большое им спасибо за это.

Что касается отношений «ИЛ» с официальной Эстонией, невольно вспоминается январь 1992 года, когда тогдашний глава государства Арнольд Рююттель пригласил нас в Таллинн для обсуждения вопроса создания некоей буферной зоны между Эстонией и Россией к востоку от Ивангорода. Эстония, якобы, была готова ежегодно строить порядка 1000 домиков для компактного расселения ингерманландских возвращенцев из Сибири, Урала и других отдалённых мест бывшего СССР. Но ведь бесплатный сыр бывает только в мышеловке. В принципе эта идея для нас на первый взгляд выглядела неплохой, но риск оказаться вовлечённым в большую пограничную игру уж очень был очевиден.

Пограничный территориальный спор между Эстонией и Россией был в самом разгаре. Из письменного ответа А. Собчака мы уже знали, что питерские власти, опасаясь у себя под боком межнациональных конфликтов, никогда не согласятся на выделение земель для контактного проживания кого-либо за исключением русских. И если мы примем условия А. Рююттеля, а ни земли, ни домов не получим, но ведь карта эта будет брошена на стол

переговоров. А ведь нам жить в России. Короче, как ни заманчива была идея, нам пришлось её тихо похоронить и навсегда покончить с прожектёрскими мечтаниями некоторых горячих голов о создании «маленькой независимой Инкери».

Из Сибири на Родину

Не помню, был ли в Уставе «ИЛ» пункт об оказании помощи желающим вернуться на родину, во всяком случае, это был, пожалуй, самый трудный и большой вопрос для «ИЛ» в начале 90-х годов. Уже к началу 1992 года таких желающих, в основном с берегов Оби, Енисея и Лены, оказалось около 300 семей. Но надо честно признаться, не по Сеньке оказалась шапка. У «ИЛ» не было никакой возможности помочь этим людям. Только считанным семьям, и то из относительно близких регионов, удалось осуществить переезд.

Во-первых, на местах проживания у людей уже худо-бедно какое-то жильё было. Они хотели, и правильно хотели, и в Ингерманландии сразу получить жильё, которого у нас, к сожалению, не было. В то же время ни у потенциальных переселенцев (за исключением нескольких семей мурманчан), ни у «ИЛ» не было средств для постройки или покупки жилья. Да, Сибирь – богатая страна, но люди жили бедно, а некоторые – ну просто очень бедно. У «ИЛ» была небольшая ремонтно-строительная бригада, которая занималась ремонтом ветхого деревенского жилья, чтобы люди зимой не замерзли, но и эта бригада с 1993 года была занята на стройке Таицкого пансионата.

Почему так много ингерманландских финнов и их наследников, очень часто из смешанных браков, хотели покинуть уже десятилетиями насиженные места? Ну, конечно, родина есть родина. Кто хоть немного умел говорить по-фински, хотел уметь лучше, а самое главное – говорить самому и научить детей родному языку. В каждой сибирской поездке в группе обязательно был священник и каждый раз крестили десятки людей разного возраста, иногда сразу три поколения. Они поражались, что на родине действует так много церквей. И это тоже побуждало людей к возвращению. А мы, уже одним контактом подав людям надежду, теперь должны сказать им – «нет, ничего у вас не получится». Это было и обидно и больно, ведь речь-то шла о жизни и судьбах людских. Но выход нашёлся и опять из Финляндии.

На историческую родину

Помнится, ещё в декабре 1989 года, президент Мауно Койвисто на пресс-конференции, следуя традиционной политике Финляндии в отношениях с СССР, на вопрос об ингерманландских финнах, заявил, что они – граждане СССР и к Финляндии никакого отношения не имеют. Через пару недель, члены «ИЛ» Лилья Куиванен, Рудольф Ээрикийнен и автор этих строк встретились в Питере с корреспондентом

«Хельсингин саномат» Мартти Валконен и выразили непонимание, глубокое разочарование, даже обиду подобным высказыванием президента. В самом начале 1990 года, 4-го января, интервью было опубликовано. И каково же было наше удивление, когда буквально всего лишь через три месяца после этого на очередной пресс-конференции Мауно Койвисто резко изменил свою позицию, а значит и правительства, признав право ингерманландских финнов на возвращение на свою историческую родину. Я вовсе не думаю, что заметка в «Хесари» имела решающее значение на точку зрения Президента, но, зная теперь, как чутко власти прислушиваются к прессе, вовсе не исключаю влияния статьи на позицию президента.

Это было спасением для десятков тысяч российских финнов, и не только в Сибири, живших в окружении чуждой им языковой и культурной сферы и обеспокоенных судьбой своих будущих поколений.

Да и в самой Ингерманландии очень скоро стало очевидно, что ни о какой реставрации Ингерманландии, даже чуточку похожей на довоенную, о чем мы мечтали на заре «ИЛ», даже речи быть не может. Наоборот, ситуация катастрофически быстро ухудшалась даже по сравнению с началом 1990-х годов. В связи с массовой распродажей земель и безудержным строительством от бывших финских деревень остались одни грустные воспоминания. Конечно, живя в Питере это, может быть, не так заметно и потому не так сильно ранит сердце.

Начало переселения в Финляндию совпало с трудными для страны временами. В связи с развалом СССР, который потребовал переориентации производств и торговых направлений, экономику Финляндии потряс серьёзный кризис и высокая безработица. Но, к чести страны, заметили этот кризис только люди рабочего возраста и то не во всех регионах и не всех профессий. Переселенцы пенсионного возраста вряд ли почувствовали изменения, жизненный уровень был сохранён.

По поводу переселения ингерманландцев в Финляндию и в Правлении «ИЛ» и в руководстве церкви Ингрии поначалу мнения разделались. Но жизнь сама расставила всё по местам и особо ярких противников переселения, кажется, уже не осталось. Дело не в количестве проживающих в Ингерманландии финнов, а в той работе, что проводят «ИЛ» и церковь Ингрии, в том микроклимате и уважении к людям, что в них царят и интересных проектах. Если «ИЛ» и церковь нужны людям, количество членов «ИЛ» и прихожан никогда не иссякнет.

К сожалению, большинство переселенцев и даже бывшие активисты «ИЛ» ошибочно считают, что их ингерманландский этап на переезде в Финляндию уже и завершился. В новом для них ингерманландском окружении они не могут или не хотят найти своё место. И если не хотят, то тут им никто и ничто не поможет. Но если человек искренне заинтересован историей, настоящей и будущей судьбой своего народа, он всегда найдёт себе достойное занятие, где бы ни жил.

Виктор Хюренен

Леонид Гильди: «Нет реальных результатов»

Родился в 1928 году. В прошлом – преподаватель истории, доцент Педагогического института. Член совета «ИЛ» с 1988 по 1997 годы. Председатель «ИЛ» в 1996 – 1997 годах. Проживает в Петербурге.

В 1989 году я был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета от Ленинградской области. В депутаты не попал, но объездил всю область, встречался с людьми, слышал массу просьб и чаяний. После выборов масса этих людей хлынула ко мне. В «ИЛ» я оказался единственным, кто занимался вопросами реабилитации. В день принимал по 50 человек.

Реабилитация началась ещё при Горбачёве. В то время реабилитация заключалась в признании того, что человек был принудительно эвакуирован. Ещё при советской власти было принято постановление правительства Ленинградской области об ингерманландских финнах, возвращающихся в места прежнего проживания. Было принято решение о выделении 3-х земельных участков общей площадью свыше 70 га для ингерманландских переселенцев – в Гатчинском, Всеволожском и Ломоносовском районах (это были неудобья, далеко от дорог). Но это решение не было выполнено. Никто не давал денег, конечно.

В 1990 году состоялась акция – митинг перед Большим домом. Подогнали грузовой автомобиль. Было выступление от поляков, я выступал от ингерманландских финнов. Это была многолюдная акция. Ничего подобного не было ни до ни после.

Я всё время писал письма в Москву, в комитет по национальным вопросам. Пробивали решение вопроса об ингерманландских финнах через парламент. В июне 1993 года (на последнем заседании Верховного Совета, где председателем был Хасбулатов), было принято постановление о реабилитации российских финнов. С этого момента они (т. е. Большой дом – А. К.) начали давать справки о реабилитации.

Списки высланных финнов находились в КГБ (ФСК-ФСБ). После реабилитации они передали эти списки в информационный центр МВД. Они (информационный центр – А. К.) до

сих пор выдают эти справки тем, кто за ними обращается. Мне известно, что у них есть списки репрессированных с 20-х годов, в алфавитном порядке, без указания национальной принадлежности. Но дают эти сведения только в индивидуальном порядке (т. е. списков не дают – А. К.).

В 1990 году я принял участие в организации городского отделения «ИЛ». Тогда шло учреждение местных организаций. Мы собрались с Тойво Весикко, Александром Сакса и Ниной Шульц, учредили городское отделение «ИЛ». Потом нашли помещение, открыли офис на Колокольной.

У меня в «ИЛ» было два направления работы:

1) индивидуальное оказание помощи в реабилитации (этим я занимаюсь и сейчас);

2) строительство компактных поселений для переселенцев.

В конце 1980-х годов люди активно выражали желание переселяться в Ленинградскую область. С 1990 года стали записываться на репатриацию в Финляндию. Так случилось потому, что здесь не было никакой реальной помощи (со стороны властей – А. К.).

При Горбачёве я искренне верил, что советское правительство заинтересовано в возвращении финнов в места бывшего проживания. Постепенно всё это гложло, и всё вернулось на круги своя, а именно, что «никаких ингерманландцев сюда допускать нельзя». При Ельцине стало понятно, что российское правительство также не желает возвращения финнов в Ленинградскую область. Это становилось понятным из того, что всё больше отрицательную позицию занимало ФСБ. А в нашем государстве ФСБ определяет всё. Наша организация – «ИЛ» – всё время находилась под полным контролем ФСБ. На всех наших съездах обязательно были их представители. Этим людям знали в лицо. Кроме того, у «органов» были свои люди в «ИЛ».

В январе 1997 года мы проводили крупнейшее мероприятие – международный семинар, организованный Комитетом Финляндии по делам беженцев и перемещённых лиц (PAKSI) и «Инкерин Лийтто» России, по теме «Ингерманландский проект на 1997-

2000 годы». Такой представительный семинар был единственным за всё время существования «ИЛ». Это мероприятие финансировала Финляндия. Нам (т. е. «ИЛ» – А. К.) дали на это дело 30 000 марок. Были приглашены представители всех финских организаций России – в том числе были приглашены и те, кто «не существовали организационно». Приехали делегаты со всех концов страны – от Якутска до центральной России. Финское представительство возглавлял статс-секретарь правительства Финляндии. На семинар были приглашены представители правительства России. Пришли заместитель министра по делам национальностей. Были представители городского и областного правительства. Представитель правительства Финляндии говорил о необходимости обустройства финнов в Ленинградской области, а российский зам. министра обещал, что «совместными усилиями обустроим финнов». Я вёл это заседание. Где-то с середины мероприятия в него включился и В. Кокко.

Это мероприятие взбудоражило власти. В каких-то кругах (возможно, руководство области) возникла идея немедленно убрать Гильди с поста председателя «ИЛ» – было очевидно, что происходит консолидация российских финнов. Вскоре всё тот же Кокко обвинил меня в присвоении части денег из этих 30 тысяч (я не касался этих денег, поскольку не занимался финансовой стороной дела). Я, конечно, чувствовал, что гроза – вот уже. Поэтому накануне Международного семинара мы – представители общественных организаций финнов России, зарегистрировали «Межрегиональную Общественную Организацию финнов России – Инкерин Лийтто».

Межрегиональный «Инкерин Лийтто» существует и сейчас. Его активные участники – Айли Вайник, Айли Кукконен, Владимир Миренков, Роберт Винонен, Тойво Ряннель, Юхо Муллонен, Раиса Зырянова. Основное содержание работы – исследование истории ингерманландских финнов (в советское время – А. К.), публикация материалов об ингерманландских финнах (прежде всего в плане репрессий советского времени – А. К.), составление справок и документов – сейчас это главным образом получение льгот блокадникам.

Одна сторона работы – реабилитация, другая сторона – получение материальных льгот. Мы добились того, что все бывшие несовершеннолетними в Клооге, признаны малолетними узниками фашизма. Это была тяжелейшая борьба. Нам надо было доказать, что это был концлагерь. А руководство «ИЛ» в лице Кирьянена в беседе с представителями Миннаца высказалось в том плане, что «мы согласны, что это не был концлагерь».

Проблема наших блокадников состоит в том, что кто живёт здесь, получают блокадные, а кто уехал в Финляндию – не получают. Российское консульство в Финляндии отказывает им в этой выплате на основании того, что они живут не в России. А это тысяча рублей ежеме-

сячно. (Речь идёт о российских деньгах для малолетних узников Клоога – А. К.). Что касается «германских денег», то вынужденным переселенцам из Ингерманландии их не дают. Видно, наверху принято решение – «не давать».

Вся компенсация состоит в том, что за дом дают 10 000 рублей или за имущество 4 000 (не суммируются). Эта сумма принята в 1999-х годах и с тех пор не пересматривалась.

Ингерманландские финны – народ, который практически полностью уничтожен государственной политикой. В первые годы я надеялся на перемены к лучшему, потом понял, что это государственная политика – не допустить ингерманландских финнов близко к Ленинграду и области. Я говорил в Миннаце о строительстве посёлка для переселенцев, а мне говорят – «ты вторую Чечню под Ленинградом хочешь устроить?»

В «ИЛ» всё время были борьба и интриги, с первого дня. Как совет, так склоки. Пааво Паркинен горячо взялся за дело. Тогда надо было всюду бывать, всюду о себе заявлять. Паркинен ушёл с неплохой работы – чтобы иметь возможность всюду бывать. Кокко его постоянно ругал.

Виктор Хюренен – деловитый, честный, деятельный. При нём в «ИЛ» появилось имущество (автобус, «пила»), хозяйственная деятельность. В «ИЛ» нашлись силы, которые добились его смещения. Имущество, которое приобрёл Хюренен, было потом продано.

Владимир Кокко говорил: «Финны хотят получить компенсацию и уехать в Финляндию». Это у него был аргумент против строительства компактного посёлка для переселенцев из Сибири. На совете «ИЛ» несколько раз обсуждали вопрос о строительстве посёлка (в т. ч. и в Выборгском районе – А. К.). Но это дело заглохло – Кокко всё время был против. *Никакое строительство не входило в планы ФСБ.*

В Финляндии есть Суоми-сеура и парламент финнов зарубежья. Там есть представительство ингерманландских финнов – наряду с представительствами финнов других стран. Сейчас там ингерманландских финнов представляют Бюркланд, заместителем у него Кокко. До того был Кабанен, заместитель Кокко, до того – председателем Кокко, заместителем Кабанен. Первые два года представителем ингерманландских финнов, избранным на съезде, был я (Кокко тогда не участвовал). Потом приехал Кокко, возмущался, что его не пригласили. Но теперь он пробился туда и морочит им там головы как представитель финнов России. К каждому съезду он составляет план мероприятий «ИЛ», которые никто не выполняет. Собрать бы все его планы и посмотреть, что это за туфта. Вот на последнем съезде он снова говорил о финском радио в Петербурге – как всегда, без последствий. Зато там он на первых ролях.

О сегодняшнем «ИЛ» не хочу даже и говорить. Нет реальных результатов.

Записал и подготовил к печати
А. Крюков

Александр Кирьянен: «Не вижу никакого просчёта»

Год рождения – 1947-й. Преподаватель математики, доцент Петербургского университета. Один из учредителей «ИЛ». Был членом совета «ИЛ» все 20 лет. Председатель «ИЛ» в 1994 – 1996 годах, и с 1998 года по настоящее время бессменно. Проживает в Петербурге.

Об уставе «ИЛ»

Что было в октябре 1988 года? Решение о создании организации, её название. Начали готовить устав. Были выбраны 11 человек, которым поручено готовить устав документы для регистрации. Первый устав был временный – и единственный на двух языках (в дальнейшем финский язык в уставе отпал сам собой). В дальнейшем первый устав претерпел три редакции: в 1990-м, 1994-м и 1998-м. В уставе отражены все направления нашей деятельности.

По моему мнению, устав нужен не столько как ориентир, сколько в случае возникновения проблемных ситуаций – соответствует ли какая-либо деятельность уставу.

Первые трудности

Эйфория, которая была при создании организации в 1988 году, а особенно в 1990 году, довольно быстро угасла. Всем казалось, что это будет сплочённая организация, в которой о целях не надо будет говорить – всем будет ясно, о чём речь.

Цели действительно были конкретными – как сохранить народ и финский язык. Вопрос – как достичь этих целей. Нам представлялось, что будет много желающих учить язык и будет много преподавателей. Вначале преподавателей было мало, а их подготовка была слабая. Одной из наших целей стала подготовка преподавательских кадров. На этом пути была проделана большая работа. К настоящему времени в «ИЛ» уже немало преподавателей (подготовлено за 30, реально работает в «ИЛ» 24 человека).

Подготовка кадров для преподавания финского языка – это одна из важнейших задач нашего движения. Я предполагал, что первоочередное значение в национальной работе имеет изучение

национального языка. Со мной были многие согласны. Но преподавательская работа в «ИЛ» сразу столкнулась с трудностями.

Учебный центр при «ИЛ»

Созданный нами в 1999 году учебный центр при «ИЛ» готовит преподавательские кадры для школ города и области. Учебный центр проводит занятия на базе СПбГУ, раньше – на Пушкинской, 15. Учебный центр готовит учителей для школ, где преподаётся финский язык. Будущие учителя, не имеющие специального филологического образования, и готовятся нашим учебным центром. Выпускники нашего учебного центра работают в Финансово-Экономическом институте, в школах № 34, 200, 204, 284, 285. Сейчас финский язык как иностранный преподаётся в пяти общеобразовательных школах. Но только в двух школах (№ 34 и 200) финский язык преподаётся как основной иностранный, с первого класса. В этих школах, в рамках страноведения, преподаётся и история Финляндии. Таким образом, на сегодня финский язык преподаётся в пяти школах Санкт-Петербурга. Во всех названных школах преподавание всех предметов ведётся на русском языке. Есть ещё школа для детей граждан Финляндии, работающих в Петербурге, там весь учебный процесс происходит на финском языке. Кроме того, финский язык преподаётся в двух школах города Гатчины. Там финский язык идёт как второй и третий иностранный – фактически это факультатив. В этих школах работают преподаватели, прошедшие подготовку в нашем учебном центре, а также в Гатчинском педагогическом техникуме.

В Гатчинском педтехникуме есть отделение финского языка, там тоже готовят преподавателей финского языка. Наши выпускники работают там преподавателями.

Учебным центром подготовлено 4 группы по 14 человек, то есть всего 56 человек. Они сдавали выпускной экзамен в Финляндии – в соответствии с их требованиями. Примерно ещё столько же выпускников не сдавали экзамен в Финляндии.

Учебный центр при «ИЛ» работает с 1999 года. Т. о. в феврале 2009 года ему исполняется 10 лет. Я был инициатором создания учебного центра и работаю его директором с момента его создания. Учебный центр учреждён в 1999 году, зарегистрирован в 2000. Мы готовим преподавателей на основе договора с центральным союзом образовательной деятельности Финляндии (Opintotoiminnan Keskusliitto) – это аналог российского Комитета по государственному образованию.

Учебный центр был создан при «ИЛ» и является его функциональной

единицей. Первоначально мы заключили договор по подготовке преподавателей. Первоначально с нашей стороны работали всего два преподавателя – Анна Логоша и Ройне Тухканен. До того Анна Логоша обучалась на кафедре финно-угорских языков ЛГУ, а Ройне Тухканен был профессором кафедры иностранных языков ЛПИ – преподавателем английского языка. Они прошли в 1997 году экзамен на высшую категорию сложности.

Четыре раза в семестр к нам приезжает на 4-5 дней преподаватель из Финляндии Варпу Пенттönen (Varpu Pöntönen). Она занимается со слушателями, даёт им задания, работает с преподавателями. За первые два года работы был создан курс. Варпу Пенттönen является преподавателем Opintotoiminnan Keskusliitto. Вообще всё преподавание финансирует Opintotoiminnan Keskusliitto. У них есть такая программа – подготовка преподавательских кадров по финскому языку в разных странах. До нас у них была уже практика в Карелии. Там было проще. Там после пяти лет обучения на кафедре финского языка Петрозаводского Университета выпускники шли на эти курсы – для доподготовки. А у нас на эти курсы шли люди с разной степенью владения финским языком.

О ранних этапах «ИЛ»

Первые курсы финского языка были организованы ещё до возникновения «ИЛ». Они начали работу в сентябре 1988 года, в деревне Тихвинка, в доме Альберта Кирьянена. На протяжении двух лет эти курсы проводил Александр Раски – выпускник кафедры финского языка Петрозаводского университета, один из первых активистов и участников создания «ИЛ», уехавший в Финляндию в 1990 году.

Летом 1989 года на горизонте появился Виктор Хюренен. В газете «Гатчинская правда» появилась его заметка об ингерманландских финнах. Активисты «ИЛ» Альберт Кирьянен и Рудик Эрикайнен не без труда нашли Виктора в Гатчине. Выяснилось, что Виктор организовал в Гатчине кружок по изучению финского языка, который сам и вёл. Вскоре возникла идея создания в Гатчине отделения «ИЛ».

Летом 1989 года в доме Альберта Кирьянена в Тихвинке собрались активисты «ИЛ» (первый совет), а также некие жители Гатчинского района. Они предложили кандидатуру Виктора Хюренена на должность председателя Гатчинского отделения «ИЛ». Виктор стал регулярно писать заметки в газете «Гатчинская правда», а с конца 1989 года в «Гатчинской правде» появилась страница «Омал' маал'» («На родной земле»). Престиж В. Хюренена очень возрос. Весной 1990 года в Гатчине проходил 1-й съезд «ИЛ», его работа продолжалась 2 дня. На том съезде Хюренен был избран председателем всего «ИЛ». Это был несомненно позитивный

момент.

После избрания В. Хюренен стал очень активно вести хозяйственную деятельность в Гатчинском районе. Была приобретена кое-какая техника, автобус. На волне всеобщей эйфории «ИЛ» получила большую помощь (в основном из Финляндии). Это была главным образом гуманитарная помощь. В основном эта помощь направлялась на Гатчинский район. В Тайцах был организован склад гуманитарной помощи. Совершенно естественно, что деятельность Хюренена началась и была сосредоточена главным образом в Гатчинском районе, но считаю, что как председатель «ИЛ» он не уделял достаточного внимания другим районам. В то время советы «ИЛ» проводились в Гатчине, затем постепенно место проведения совета «ИЛ» переместилось в Петербург. Впрочем, все советы проходили в разных местах – своего помещения не было.

После того, как в 1992 году председателем «ИЛ» был избран В. Кокко, центр активности «ИЛ» полностью сместился в Петербург. Однако В. Кокко сохранил за В. Хюрененом право банковской подписи, поскольку В. Хюренен успешно вёл хозяйственную деятельность. С этого момента (1992 год) берет начало история первого ингерманландского проекта – строительство домов престарелых. Первые два дома престарелых были построены в Колтушах (в деревне Колбино) и в Губаницах (в деревне Губаницы). Это были дома барачного типа. Впоследствии в Колтушах был построен новый дом престарелых, а губаницкий дом престарелых переехал в Кикерино.

Третий дом престарелых проектировался в Тайцах. В связи с его строительством В. Хюренен зарегистрировал в 1994 году организацию «Inkeri-Seura». Фактически Inkeri-Seura представляла собой уже существовавшее Гатчинское отделение «ИЛ» (впрочем, оно не было официально зарегистрировано). Но уже Inkeri-Seura была зарегистрирована как самостоятельная организация – юридически она не входила в состав «ИЛ».

В 1994 году меня избирают председателем «ИЛ». При очередной перерегистрации «ИЛ» и «Инкери-Сеура» в 1994 году между ними произошёл имущественный спор. Этому спору были посвящены два заседания совета «ИЛ». Решением совета «ИЛ» всё имущество, числившееся на балансе «ИЛ», было передано «Инкери-Сеура» – в связи с тем, что это имущество приобретали именно участники «Инкери-Сеура». Это было трудное решение.

Тогда же было принято принципиальное решение о том, что «Инкери-Сеура» является региональной организацией «ИЛ». С 1995 года председателем «Инкери-Сеура» стал Александр Савельев.

Репатриация в Финляндию

Другой проект, которым мы занимались, – поддержка репатриантов в Финляндию. В Финляндии думали о том, что будущие переселенцы

Окончание см. на стр. 12

Александр Кирьянен: «Не вижу никакого просчёта»

Окончание. Начало см. на стр. 11

должны быть подготовлены, в том числе и по языку. Проект финансировался финляндской стороной. Естественно, что финляндское государство заботилось о своих интересах. Наша позиция – обучать финскому языку всех членов «ИЛ» безотносительно к их позиции в отношении переселения. Мы всегда повторяли – у «ИЛ» уставная задача – обучать финскому языку. Никакого просчёта я здесь не вижу. Мы обучали ежегодно несколько сот человек. Нигде больше в России не обучают финскому языку в таком количестве.

Второй пункт того же проекта – поддержка предпринимательства. В 1999 году при «ИЛ» было создано бюро по трудоустройству. Цель – помочь людям найти интересную работу – как в Финляндии, так и в России. Это не только посылка «на клубнику», но и обучение людей, переподготовка с тем, чтобы люди могли работать на современных предприятиях. Этой работой занимаются главным образом в городском отделении «ИЛ».

О возвращении на родину

Вопросами обеспечения возвращения ингерманландских финнов на родину из мест ссылки в «ИЛ» занимались многие – в их числе В. Хюренен, я и – более всех других – Лео Гильди. Деятельность Л. Гильди на первых этапах «ИЛ» я оцениваю сугубо положительно. «ИЛ» как общественная организация выдвигала Л. Гильди в Верховный Совет от Ленинградской области. Примерно тогда же вышло постановление о реабилитации российских финнов. В то время я был депутатом горсовета, и мы с Л. Гильди разрабатывали в 1993 году программу развития ингерманландских финнов. Эта программа не была принята Думой; было предложение включить её в единую государственную программу поддержки финно-угорских народов России – но и это предложение завязло в недрах Государственной Думы. Впоследствии мы уже не могли пробивать эту программу. Будучи депутатом, я ездил в Москву много раз, а когда перестал быть депутатом, не мог даже войти в Государственную Думу.

С 1994 года Л. Гильди был заместителем председателя «ИЛ». Он взял на себя вопросы реализации постановления о реабилитации ингерманландских финнов. В первую очередь это был приём граждан и помощь им. В «ИЛ» пошёл народ большими толпами.

Формально уже в 1954 году вышло постановление МВД о снятии с финнов ограничений по линии административной ссылки (конечно, оно не было обнародовано). Как можно было вернуться? По месту ссылки (а все ингерманландские финны состояли на учёте или полу-учёте) надзорные органы посылали в Ленинградскую область документы, которые характеризовали человека с по-

ложительной стороны. То есть, решение вопроса отдавалось местной власти (а фактически МВД). Кого-то принимали, кого-то нет. Причины никому не сообщали. Такая ситуация была до начала 1960-х годов. А потом настали времена лимитной прописки, то есть, прописка стала ещё более ограничена. Ситуация не изменилась и в 1970-х годах.

Идея переселения получила развитие только с началом работы «ИЛ». В 1990-м году мы получили почти 2 тысячи писем о желающих переехать; ещё больше писем шло в Гатчину – к Хюренену. Во всех письмах было одно и то же – как получить землю и какая будет поддержка. То есть, речь шла о финансах. Препятствием стали законы. Постановление о реабилитации финнов базировалось на общем законе о реабилитации жертв политических репрессий. А по этому закону всем, получившим документ о реабилитации, полагалось выделение 10 тысяч рублей за потерю дома или 4 тысячи рублей за потерю имущества. В 1991 году на эти деньги можно было максимум построить фундамент. А в последующие годы и того было не сделать. Но никаких других вариантов закон не предоставлял. Мы в 1990 и 1991 годах отвечали всем честно, какая у нас ситуация.

С получением компенсаций было непросто. Для получения компенсации людям сперва надо было ещё получить документ о признании человека жертвой политической репрессии – на основании документа о том, что был выслан. Местные органы в местах ссылки очень неохотно давали такие справки. Их позиция была такова: «вас переселяли в административном порядке, поэтому вы не жертвы политических репрессий» – то есть, вы не подпадаете под этот закон. И только после принятия постановления Верховного Совета о реабилитации российских финнов мы попали под закон о жертвах политических репрессий. Но это был уже 1993 год (июнь 1993 года), а в 1992-м произошло крушение экономики. Денег у людей – ноль. Какие возможности строить? Идея переезда погибла на корню – тем более что людям открылась возможность эмиграции.

О межрегиональном «ИЛ»

На съезде «ИЛ» в 1996 году, где Л. Гильди был избран председателем, было принято решение о необходимости создания межрегиональной организации ингерманландских финнов, куда вошли бы организации ингерманландских финнов по всей стране. До того отделения «ИЛ» в других областях считались отделениями «ИЛ» – в то время как «ИЛ» был зарегистрирован только в Петербурге и области. Мы предполагали создать организацию в масштабе всей страны, во главе с «ИЛ» Петербурга и области. Однако Л. Гильди этот проект реализовал по своему. Он зарегистрировал межрегиональный «ИЛ», учредителями которого выступили три физических лица и две региональные организации

«ИЛ» – Тюменская и Нижегородская. В совете «ИЛ» возникло непонимание, мнения разделились, и совет разделился на две части. Л. Гильди заявил о роспуске совета «ИЛ» и о переходе всех его полномочий к межрегиональной организации. Мы с ним не согласились. Это было в конце 1997 года.

По моему мнению, причина этого конфликта в том, что Л. Гильди предпочитал принимать решения самостоятельно, не прислушиваясь к чужому мнению. В результате мы потеряли умного, энергичного работника, который занимался полезным делом, и во многом потеряли целое направление работы.

Хозяйственная деятельность

Начало «ИЛ» – это поиски денег. Была эйфория, все работали за свой интерес. Но всякая реальная хозяйственная деятельность требует вложений. При «ИЛ» было создано в своё время несколько хозяйственных структур. Было предприятие Репо, которое строило новую церковь в Колтушах. В Питере, при церкви на Большой Конюшенной, было создано предприятие «Лийтто». Они открыли пансионат в Песочной, просуществовавший около года. С отъездом в Финляндию Тойво Весикко – создателя «Лийтто», деятельность этого предприятия прекратилась. Свои предприятия создавали и другие люди, но многие потерпели неудачу.

«Вилла Инкерин» – организация, созданная гражданином Финляндии Пентти Кярки. Наше сотрудничество с П. Кярки началось в конце 1990-х годов. Пентти Кярки – бизнесмен в области строительства. Его силами отремонтированы сельские дома – главным образом в Волосовском и Гатчинском, в меньшем количестве в других районах, всего около 50 домов – и кроме того, несколько квартир в Питере. Он же ремонтировал церковь в Гатчине. Его силами создан дом престарелых в Кикерино. Все эти работы производились за счёт наших финляндских друзей – жертвователей и спонсоров. Это была большая интересная работа. К сожалению, сейчас ничего подобного у нас нет.

Фермерский проект организовал Александр Пюльзю – доцент сельскохозяйственной академии в Пушкине. Он организовал обучение фермеров в сельхозакадемии, помогал с оформлением земли, получением техники. А. Пюльзю добился в Финляндии материальной помощи фермерам в Ленинградской области. Эта деятельность происходила все 1990-е годы. С безвременной кончиной А. Пюльзю в январе 1999 года эта деятельность практически прекратилась.

«ИЛ» и Инкерин Киркко

На первых этапах «ИЛ» его деятельность строилась совместно с Инкерин Киркко (финская лютеранская церковь). В числе учредителей «ИЛ» были Арво Сурво и Арре Кугаппи – представители церкви; на первых порах они участвовали в заседаниях совета «ИЛ». Первый

председатель городского отделения «ИЛ» Тойво Весикко был одновременно председателем церковной «двадцатки» (впоследствии – церковного совета).

В 1990 году был создан попечительский совет церкви Невского проспекта. Я тогда был депутатом Ленсовета и, вместе с Аарне Ритарти, стал одним из учредителей этого попечительского совета. Целью создания попечительского совета было – совместными усилиями добиваться возвращения церкви к их первоначальному предназначению. Совет собирался обычно в библиотеке имени Маяковского. Туда же приглашались чиновники, курировавшие различные конфессии. Эта деятельность дала позитивный толчок – вскоре от представителей разных конфессий пошли заявления о возврате церквей.

Долгая многолетняя борьба за возвращение финской церкви на Большой Конюшенной завершилась победой. Здание перешло в собственность Церкви Ингрии. До ремонта церкви у «ИЛ» были помещения в здании церкви на Большой Конюшенной, 8. С началом ремонта мы вынуждены были оттуда уйти.

Борьба за помещения

Примерно с 1990 года у петербургского отделения «ИЛ» было помещение на Колокольной 2-24. Фактически, мы там арендовали квартиру под офис. В 1996 году у нас отобрали это помещение – весь подъезд скупил какой-то фирма. Летом 1996 года имела место встреча тогдашнего градоначальника А. Собчака с представителями петербургских национальных организаций. Я подготовил предложение о предоставлении нам помещения (и одновременно, предложение о поддержке детского сада «Тайми»). В период правления Собчака наше предложение не имело последствий. Новый губернатор В. Яковлев согласился с нашим мнением. Одно из первых его решений было – предоставить помещение «ИЛ». Так мы получили офис на Пушкинской 15.

Здесь надо отметить, что все переговоры с городскими властями о предоставлении помещения велись от имени «ИЛ», но в дальнейшем помещение на Пушкинской 15 было оформлено в аренду городской организацией «ИЛ». В то время мы не видели в этом никакой проблемы. Но в 2006 году арендная плата была поднята в 10 раз. Я написал письмо в комитет по связям, который и наложил резолюцию в нашу поддержку. На заседании городского КУГИ (присутствовали председатель городского отделения «ИЛ» Эро Пеллинен и я как председатель «ИЛ») повышение арендной платы отменили. Так мы сохранили это помещение за городским отделением «ИЛ».

В заключение

Моё наибольшее сожаление вызывает то, что наша организация не нашла поддержки среди простых людей, особенно в области. Может быть, не нашла понимания – в отличие от церкви.

Записал и подготовил к печати
А. Крюков

Альберт Кирьянен: «Наши силы раздроблены»

Родился в 1936 году. В прошлом водитель-дальнобойщик. Был в числе учредителей «ИЛ». Постоянный член совета «ИЛ» до 1998 года. С 1999 года проживает в Финляндии. Сейчас на пенсии. Добровольный работник на ниве помощи ингерманландским старикам.

В своей оценке деятельности «ИЛ» мне хотелось бы быть объективным. Я не хочу никого обвинять, стараюсь избегать личных оценок. При необходимости (а мне приходится часто отвечать на вопросы об ИЛ) я стараюсь говорить обо всех хорошо.

Чего за все эти 20 лет добилось «ИЛ»? Конкретно чего? Начать с первых заседаний, мнений и проблем. Что из этого осуществилось? К чему мы пришли?

Проектов было много, очень много. Я считаю – нужных, хороших проектов. Что мы имеем на сегодняшний день? Что дала людям деятельность «ИЛ»?

У меня есть вопросы к «ИЛ», на которые нет ответов. Это не только мои вопросы. Это те вопросы, которые мне задают. Вопросы, которые я слышу чуть не каждый день.

Финский язык. Есть преподавание, обучение, даже деятельность на финском языке. Где результат? Есть ли в Ингерманландии Пикку-Инкери, где говорят по-фински? Многие приезжающие из Финляндии спрашивают – есть ли семьи, где говорят по-фински? Как и раньше, обычно в финских семьях по-фински говорит только кто-то из стариков.

Почему в Петербурге и Ингерманландии до сих пор нет финского радио? Об этом спрашивают все – и старые люди, которые не могут ходить в церковь, и молодые, которые хотели бы больше слышать дома финского языка.

Что дала реабилитация? Не бумажная, а реальная, имущественная реабилитация? Культурная реабилитация?

Хозяйственная деятельность. Пилорамы, автомобили, печатное оборудование для газеты – где это всё?

Фермерское движение. В лучшие годы у нас было больше 30 фермеров – наших финнов. Работает ли ещё кто-то из них на земле? Если работает, то кто? И где?

Это вопросы, на которые мне нечего ответить.

Теперь о деятельности, которая имеет место.

«Парламент зарубежных финнов» – пустое место для ингерманландских финнов. Там решают мировые проблемы, а практических вопросов решить не могут. Например, не могут решить

вопрос о финском радио (в Петербурге и Ленинградской области – А.К.)

Финский язык в «ИЛ» не употребляется и не употреблялся как рабочий язык. Раз язык не применяется, то на нём и не будут говорить. Язык должен быть живым. Торговцы на рынке в Выборге прекрасно говорят по-фински. Они не только называют цену – с ними можно беседовать. Это потому, что им нужен язык, они в нём нуждаются. А в «ИЛ» предпочитают говорить по-русски. Преподавание финского языка не имеет смысла, если язык не нужен. В результате преподавания в «ИЛ» финского языка будущим репатриантам в Финляндии образовалось русскоязычное этническое меньшинство. Этот результат совершенно не соответствует задачам «ИЛ».

Нет связи между подразделениями «ИЛ». Люди не знают, что делается в соседнем районе. За пределами Ингерманландии (в Вологодской, Новгородской, Тверской областях) многие финны не слышали об «ИЛ». В Ленинградской области мало кто знает, что делается у ингерманландских финнов в Швеции, Финляндии. То есть, связи вроде бы и есть, а на деле их нет. Руководители знают друг друга. А информация «не проходит».

В. Кокко в своих материалах (публикации в «Инкерияйстен виести», в эстонской Инкери) выдаёт желаемое за действительное. В его текстах мало реальной информации.

Центр трудоустройства действует неизвестно в чьих интересах. Людям, реально желающим найти работу, они не помогают.

Культурная работа: неубедительно, непонятно. Нет ощущения

подлинности. Но активность несомненно присутствует.

Что я могу сказать о деятельности «Инкерин Лийтто» вообще?

С самого начала «ИЛ» силы активистов оказались раздроблены. Отдельно «Инкерин Лийтто», отдельно Инкерин Киркко. Связи и информации между ними практически нет. Самые большие ингерманландско-финские активисты, не щадящие сил и здоровья ради своих соплеменников, как например, Лилья Степанова и Анна Рауд, практически оторваны от «ИЛ», они работают от имени церкви. Многие ингерманландско-финские патриоты действуют на свой страх и риск, без связи с «ИЛ».

Через Инкерин Лийтто прошло много людей, преданных своему народу. Многие из них действуют и сейчас. Это Герта Комогорова, Саша Кокков, Нина Шульд, Слава Вайязянен и многие другие, которых я мало знаю. Это очень хорошо, что такие люди есть и действуют. А есть в «ИЛ» такие активисты, которые на этом поприще находят личную выгоду. Не вижу в этом ничего достойного осуждения, но это и не подвижничество.

У меня и в мыслях нет никого очернять. Когда финляндские финны спрашивают меня об «Инкерин Лийтто», об Инкерин Киркко – я стараюсь сглаживать углы. Но всё же – больно, когда многие из бывших активистов, уехавших в Финляндию, как в воду канули. Это Тойво Весико, Хилма Касонен, Аарне Ритарти, Ээро Пеллинен и ещё многие.

В своё время меня предупреждали: нужно ли это тебе? Придётся время, и ты останешься один. И вот это время пришло.

Записал и подготовил к печати
А. Крюков

Что говорится в Уставе «Инкерин Лийтто» о целях и задачах Общества

II. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ОРГАНИЗАЦИИ

2.1. Целью создания Организации является возрождение национального самосознания ингерманландских финнов и сохранение их в качестве этнической общности на родной земле, защита их социальных интересов; обеспечение условий пользования родным языком.

2.2. Задачами Организации являются:

- возрождение и развитие культуры и языка ингерманландских финнов;
- защита их социальных и имущественных прав;
- активное участие в выполнении программы национально-культурного возрождения российских финнов;
- представление интересов финского населения в органах власти и управления;
- обеспечение условий возвращения в исторические места проживания.

2.3. Для осуществления своих уставных целей и задач Организация осуществляет следующую деятельность:

- в порядке, определяемом действующим законодательством, осуществляет предпринимательскую деятельность в целях выполнения уставных задач и соответствующую им;
- привлекает добровольные пожертвования в виде денежных средств, ценных бумаг, иного имущества;
- размещает привлечённые средства, ценные бумаги в банках, кредитных учреждениях, инвестиционных институтах, имеющих на это право, на основании соответствующих договоров;
- совершает сделки, а также иные юридические акты, соответствующие действующему законодательству, уставным целям и задачам Организации;
- учреждает средства массовой информации и осуществляет издательскую деятельность;
- участвует в коммерческих и некоммерческих организациях и общественных объединениях;
- организывает проведение лотерей, концертов, презентаций, встреч и других мероприятий в благотворительных целях.

Алексей Крюков: Сколько весят успехи?

Родился в 1962 году. Был в числе учредителей «Инкерин Лийтто». Член совета «ИЛ» в 1998 – 1999 годах, в 2004 – 2005 годах и с 2008 года. Проживает в Петербурге. Работает врачом скорой помощи.

Сейчас, по истечении 20 лет, я понимаю, что в нашем узком кругу в 1988–1990 годах царил недоверие. Мы мало знали друг друга, подозревали друг в друге («засланных казачков»). Думаю, что это были пустые подозрения. Но все люди разные. Одни были «борцы за идею», другие искали, что называется, «чем бы поживиться». То, что казалось мне обществом единомышленников, оказалось компанией амбициозных и обидчивых людей. А когда в товарищах согласия нет...

На первых порах активность простых людей возрастала. В «ИЛ» вступило едва ли не большинство финнов, проживавших в Ленинграде и области. Очевидно, что «ИЛ» в то время вызывал доверие людей, с ним связывали надежды на возрождение прежней Ингерманландии. Быстрый рост организации, переговоры с властями и контакты с Финляндией внушали оптимизм.

Начиная со съезда «ИЛ» в феврале 1990 года я посчитал возможным отказать от активной роли в «ИЛ» ради возможности уделить максимум сил исследовательской работе в Ингерманландии. Свою задачу я видел в том, чтобы знать свой народ до каждого дома. Мало-помалу я стал обладателем огромного объема сведений о финской Ингерманландии – как о довоенном прошлом, так и о нынешнем положении дел.

Круг моего общения был весьма широк – сотни ингерманландских финнов в Ленинградской области, в других областях России, в Карелии, Эстонии, Финляндии и Швеции. Люди, с которыми я беседовал, тоже задавали мне вопросы. Примерно до 1991 года главный вопрос был – «когда мы сможем вернуться на родину?» Я считал своим долгом донести эти пожелания до руководства «ИЛ» и буквально «осаждал» со своей информацией В. Кокко, отчаянно пытаясь найти понимание теперь уже внутри «ИЛ».

К сожалению, собранные мной уникальные сведения не были востребованы в «ИЛ», так что моя работа осталась, по существу, частным делом. Я полагаю, что мои знания пригодятся в деле восстановления финских деревень и возвращения на родину финнов из других районов страны. Об этом было много разговоров, но до дела так и не дошло.

В период с 1990 по 2000 год я не участвовал в правлении «ИЛ». Тем не менее, деятельность «ИЛ» протекала на моих глазах – и в общем, при моём сильном участии. Так что я тоже имею право на некоторые выводы.

Уже с начала 1990-х годов в «ИЛ» имели место борьба за лидерство, закулисные интриги. Наиболее деятельные руководители и активисты «ИЛ» эмигрировали (Виктор Хюрнен) или были отстранены (Лео Гильди), другие сочли за благо дистанцироваться от «ИЛ» (Арво Сурво, Александр Сакса, Альберт Кирьянен). Разочарование простых людей в «ИЛ» не передать словами. Численность «ИЛ», достигшая в какой-то момент чуть ли не 10 тысяч человек, упала – и отнюдь не только в результате естественной убыли и эмиграции. Главная причина кризиса в «ИЛ» – потеря интереса простых людей к «ИЛ». Образно говоря, ингерманландские финны отвернулись от «ИЛ».

Начиная с 1990 года «ИЛ» обслуживает очередь желающих уехать из страны. В этом – прямое свидетельство отказа от первоначальных задач «ИЛ» – сохранения финского языка и культуры в Ингерманландии. Именно по этой причине желающим вступить в «ИЛ» не показывают его устав. Чего здесь больше – лицемерия или цинизма?

Перспектива эмиграции в Финляндию, несомненно, волновала многие умы с момента создания «ИЛ». Говорить об этом было не принято, и каждый «внезапный» отъезд очередного активиста производил впечатление боевой потери. То есть – говорили одно, делали другое. Надо признать, что желанием многих наших финнов была именно эмиграция в Финляндию. В моём понимании, решение об эмиграции – частное дело. Полагаю, что те, кто стремились уехать, могли сделать это и без помощи «ИЛ». Вместо того чтобы отмежевываться от репатриации, как процесса, не отвечающего задачам «ИЛ», обслуживание «очереди» перенесли из стен финского консульства прямо в «ИЛ».

В том, что «ИЛ» связалось с процессом репатриации, при желании можно увидеть и диалектику, и трагедию, и попытки «ИЛ» быть со своим народом. Лично я вижу в этом факте прежде всего внешнее влияние и завалированный отказ руководства «ИЛ» от наших первоначальных задач.

Начиная с середины 1990-х годов многие, и я в их числе, ощутили стремление некоторых лиц свести деятельность «ИЛ» к формуле «два притопа, три прихлопа». Люди, приходившие в «ИЛ», находили более чем прохладный приём, и делали вывод – «мы здесь лишние». В результате вместо *союза* получилась самоизоляция, вместо массовой организации – беспомощная тусовка.

Наблюдая, как «ИЛ» увязает в международных проектах, результаты которых вызывали недоумение, в 2000 г. я вернулся к активному участию в «ИЛ». К этому времени содержанием работы конференций и съездов были откровенная показуха, «выпускание пара» и «одобриме». Что самое печальное – эта ситуация вполне устраивала руководство «ИЛ». Мнение простых людей могли быть высказаны – но, как говорится, без последствий.

В 2002 году я вновь вошёл в совет «ИЛ» и вскоре убедился, что совет «ИЛ» не может быть местом дискуссий – хотя бы в силу регламента. Тогда я попробовал реорганизовать газету «Инкерин» с тем, чтобы сделать газету подобием дискуссионного клуба. Уже первые мои публикации в газете «Инкерин» вызвали негативную реакцию В. Кокко. По словам В. Кокко, вся работа газеты «Инкерин» – это *провокация*. Вообще отношение В. Кокко к газете «Инкерин» напоминает отношение советской власти к ингерманландским финнам.

В 2004–2006 годах мне неоднократно передавали рекомендации В. Кокко прекратить работу в газете «Инкерин» и сотрудничать с ним. В действительности В. Кокко не стремится к сотрудничеству – об этом свидетельствует мой 20-летний опыт безуспешных попыток сотрудничества с В. Кокко в рамках «ИЛ».

Всю двадцатилетнюю историю «ИЛ» я бы разделил на два этапа. На первом этапе (с 1989 по 1998 год) ключевым моментом работы «ИЛ» была *борьба*. Это было время драматических событий для нашего народа, и для нашего движения, и для всей страны. Второй этап (с 1998 по сей день) я бы охарактеризовал как *метание сапога*. «ИЛ» перестаёт быть организацией ингерманландских финнов. Функцией «ИЛ» стало *обозначать* присутствие финнов в Петербурге и Ленинградской области.

Успехи и достижения «ИЛ» невелики. Преподавание финского языка в «ИЛ» – целая индустрия. Но парадокс – в «ИЛ» не принято говорить по-фински. Финский язык преподаётся ради Финляндии – откуда, собственно, и заказывают музыку.

Опора на собственные силы, это не по нашему. В «ИЛ» говорили: «пусть за всё платит Финляндия». На финляндские деньги построены дома престарелых, церковь и учебный центр в Колтушах, отремонтированы церкви в Губаницах, Токсово, Мартышкино, Гатчине. Роль «ИЛ» в этой работе была невелика.

Дома престарелых работают. Правда, они испытывают трудности. Руководят этими учреждениями настоящие подвижники, которые не могут бросить своих подопечных и сотрудников. Вот только «ИЛ» здесь не при чём.

Бюро трудоустройства, поездки «на клубнику», профессиональное обучение – всё это ориентировано на Финляндию. Цели и задачи «ИЛ», что называется, «отдыхают». Может быть, «ИЛ» пора менять название?

Песни и самодетельность – это хорошо. Как и экскурсии, преподавание языка, метание сапога, «парламент». Но если смотреть правде в глаза, всё это – сотрясение воздуха. Для того чтобы быть серьёзной, а не декоративной организацией, нужен реальный сектор. Нужно что-то производить. Например, сельхозпродукты, стройматериалы, мебель. Нужно строить дома и помогать погорельцам. Нужно трудоустроить соплеменников. Для того чтобы котироваться хотя бы среди своих, надо знать их и работать с ними. Всё это немисливо без опоры на частный бизнес.

С момента создания «ИЛ» был национальной (финской) общественной организацией. За 20 лет многое изменилось. Правомерно ли сегодня считать «ИЛ» организацией ингерманландских финнов? Согласно данным переписи 2002 года, в Петербурге с пригородами заявили себя финнами и «ингерманландцами» 3980 человек. По словам В. Кокко, в городском отделении «ИЛ» стоит (платит взносы) около тысячи человек. При этом очевидно, что многие из них (вероятно, даже и большинство) не являются этническими финнами – то есть не могут считаться представителями ингерманландских финнов. Численность финского населения Гатчинского района по переписи 2002 года составляла 2753 человека (финны и «ингерманландцы») плюс 578 человек финнов в городе Гатчина. Пр этом в гатчинском «Инкерин-Сеура» состоит около 360 членов – то есть, возможно, около 10% финнов, проживающих в Гатчине и Гатчинском районе. Остальные отделения «ИЛ» совсем малочисленны. Это означает, что большинство проживающих в Петербурге и области ингерманландских финнов не состоит в «ИЛ». Данная ситуация представляется мне критической – отсюда недалеко до полной подмены активности ингерманландских финнов имитацией, в которой ингерманландские финны не участвуют.

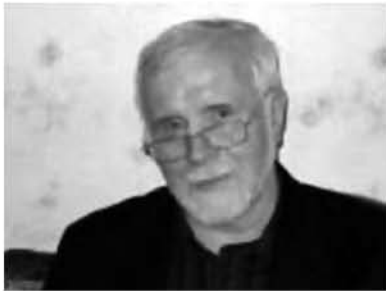
Из сказанного следует, что на сегодняшний день деятельность «ИЛ» не соответствует его уставным задачам ни по факту, ни даже формально. Фактически «ИЛ» превратился в самодовлеющую структуру, малопопулярную среди ингерманландских финнов. То есть, представительство наших финнов в международных организациях также является фикцией.

Позитивное значение «ИЛ» можно увидеть в том, что в «ИЛ» встречались и знакомились люди. Среди них были прагматики и мечтатели, умники и простаки, бесребренники и циники. Подводя черту под 20-летней историей, хочется вспоминать хороших, светлых людей. Настоящие герои ингерманландско-финского движения это Арво Сурво, Тамара Линдунен, Рейно Хютти, Ольга Остонен, Альберт Кирьянен, Александр Пюльзю, Арре Кугаппи. Есть у нас и скромные герои, на которых держится мир. Это Анна Рауд, Лилья Степанова, Нина Низова, Герта Комогорова, Александр Кокков. Наверное, стоило бы назвать ещё многих, но пока остановлюсь.

Есть ли будущее у «ИЛ»? Можно ли вдохнуть в него новую жизнь? Если и возможно, то на другой основе и с другими людьми. Обратимся к данным переписи 2002 года и увидим, что финское население Петербурга и области всё ещё многочисленно – 3981 человек в Петербурге («финны», «ингерманландцы» и «финны-ингерманландцы») и 7924 человека в области («финны» и «ингерманландцы»). В сумме около 12 тысяч человек. А в Ингерманландии есть ещё ижоры, воль, эстонцы и русские. Да и вообще у нас здесь полно друзей. На наш век работы хватит.

А. Крюков

Александр Сакса: «Первоначальные цели достигнуты»

Год рождения – 1951-й. Был в числе учредителей «Инкери Лийтто». Член Совета «ИЛ» с 1988 по 1997 год; с 1998 года отошёл от «ИЛ». Ведущий научный сотрудник Института Истории материальной культуры РАН («Институт археологии»). Проживает в Новгороде.

Считаю результаты деятельности «ИЛ» за 20 лет положительными – в том смысле, что «ИЛ» существует, есть местные отделения, проводится культурная работа, изучается история, проводятся праздники (прежде всего Юханнус). Налажены международные связи, есть нормальные рабочие отношения с другой крупнейшей организацией ингерманландских финнов – Союзом финнов Карелии. В значительной части наши первоначальные цели достигнуты – есть возможность изучения финского языка, трудоустройство, уход за престарелыми, действует Церковь Ингрии. У нас есть интернет-сайт, выходит газета «Инкери», что исключительно важно.

Правда и то, что в этих достижениях заслуга не одного только «ИЛ». Часть функций национальной жизни ингерманландских финнов отошла к возрождённой Церкви Ингрии, за что её служителям отдельное большое спасибо. Деятельность Церкви Ингрии может быть примером и ориентиром для наших «светских» активистов.

Что касается значения «ИЛ» для простых людей, то всё вышепере-

численное – лишь верхушка, и касается лишь небольшой части нашего (ингерманландско-финского – А.К.) и заинтересованного населения в Питере и таких центрах как Гатчина, Колтуши, Кингисеппи и Сосновый Бор. Совершенно очевидно, что значительная часть ингерманландско-финского населения деревень и посёлков, и особенно, городская молодёжь финского происхождения, не вовлечены в сферу деятельности «ИЛ». Для того, чтобы «ИЛ» стало по-настоящему «союзом ингерманландских финнов», ещё предстоит проделать большую работу.

По этой части, как мне кажется, именно в плане сохранения ингерманландско-финской этнической общности на своей территории нужно больше информации, в первую очередь этно-исторической, а именно – какие национальные черты и формы деятельности/условия жизни формировали и формируют менталитет; различия по разным районам – в том числе и по характеру (наверняка существовали и нашли отражение в фольклоре, как относились, например, гатчинские к колпинским и др.), былички и байки (их можно выложить в интернете для молодых), влияние на быт и представления финнов близости к Питеру. То есть, по моему мнению, в деятельности «ИЛ» первоочередное место должна занимать краеведческая работа. Считаю это направление работы даже более важным, чем изучение финского языка. В частности, в газете «Инкери» имеет смысл ввести рубрику «О чём писали газеты 100, 50 и т.д. лет назад» (естественно, речь о наших, т.е. местных газетах). Также нужно публиковать воспоминания, особенно заграничных финнов (давних эмигрантов – А.К.), которые помнят старую Ингерманландию свежее и чище. То есть, нужно больше публикаций о том самом «ингерманландском мире».

В плане владения информацией – нужно каким-то образом (через волонтеры, официально, по запросу) получать

динамику сокращения «чухонского» населения. Нужна достоверная картина. В этой части могут быть полезными дружеские связи и сотрудничество с районными газетами, помощь местных журналистов. Наверняка найдутся заинтересованные – поскольку всё, связанное с историей района, интересно самому широкому кругу читателей. Например, где живут самые старые местные жители и что они помнят. Могут быть интересны интервью с русскими, приехавшими в финские деревни после войны – их первые контакты с вернувшимися довоенными жителями и возникновение новой, интернациональной деревенской общности.

Очень важно не только информировать читателей о проектах, направленных на людей (в том числе при участии зарубежных финнов), но и рассказывать об их результатах, насколько они удалась. К примеру, ремонт домов в деревнях для пожилых людей.

Также надо больше спрашивать у молодых, что они думают о настоящем и будущем ингерманландских финнов, что они видят в этом лично для себя. Организация и поддержка молодых людей финского происхождения – это задача именно для «ИЛ».

В современных условиях важна юридическая помощь – и не только в плане реабилитации. Наверняка есть проблемы с земельными участками (это же та самая «родная, своя земля»), особенно в пригородной зоне. Важнейший аспект – в какой степени можно учитывать давность проживания семьи в определённой деревне (на конкретном участке) при недостаточной юридической базе (утрата старых документов, невозможность найти свидетелей, затруднённая работа в архивах). Эти вопросы могут быть темой для обсуждения в газете. Это многих объединяет и всем интересно. Думаю, в «ИЛ» нужно найти на это ресурсы, в том числе и человеческие. Знаю по опыту работы археолога, что желающие найдутся, нужно лишь заинтересовать и мотивировать.

Важно понимать, что для выживания ингерманландских финнов как народа нужна своя экономика. Наш главный ресурс – земля, продукты земледелия и животноводства. Задачей и содержанием работы «ИЛ» должна быть помощь тем, кто этим занимается, в том числе и в отношениях с местной властью. В этом вопросе у «ИЛ» должна быть понятная идеология (помощь коренному населению, национальная политика, положительный опыт и др.). Моя давняя идея – создать свою бригаду, своего рода МТС, для помощи в сельхозработах старикам, у которых есть своя земля (участки), и получать за это продуктами. Наладить их переработку (например, производство чипсов). Переброска компактной техники не проблема, были бы ещё на селе трудоспособные инициативные люди. В свое время была возможность получить б/у технику и у финнов (т.е. из Финляндии – А.К.).

Думаю, что деятельность «ИЛ» в большой степени соответствует первоначальному и уставным задачам. Полагаю, что все направления работы «ИЛ» имеют право на существование. К сожалению, многие направления работы «ИЛ» практически заглохли. Это относится к «фермерскому проекту», к хозяйственной деятельности «ИЛ» вообще, к социальной работе в глубинке, к затуханию деятельности местных отделений «ИЛ» – как это произошло в моём Волосовском районе. В работе «ИЛ» намечился явный перекосяк (много активности в городе – мало в сельской Ингерманландии; много внешних связей – утрата связи с сельской Ингерманландией). Думаю, всё это – естественные трудности, которые возникают неизбежно. Нужна дискуссия по актуальным современным вопросам и проблемам. Во всяком случае, обозначить проблемы, представлять их реально.

Подготовил к печати А. Крюков

Владимир Кокко

Родился в 1956 году. Один из учредителей «ИЛ». Председатель «ИЛ» в 1994 – 1996 годах. Постоянный член совета «ИЛ» на протяжении 20 лет. Проживает в Петербурге.

Владимир Кокко – единственный из ветеранов «ИЛ» и единственный из его бывших председателей, отказавшийся отвечать на вопросы газеты «Инкери».

Отношение В. Кокко к газете «Инкери» известно. Недавно он вновь заявил, что деятельность газеты «Инкери» – не что иное, как провокация.

С нашей точки зрения, это и многие другие заявления В. Кокко – самая настоящая демагогия. В. Кокко не любит газету «Инкери» именно за то, что у газеты есть своя независимая позиция, которая ему не нравится.

Обойти вниманием деятельность В. Кокко в «ИЛ» невозможно. Попробуем сказать о ней сами.

Роль В. Кокко в «Инкери Лийтто» неоднозначна. С одной стороны, он вложил в «ИЛ» массу времени, сил и энергии. Несомненно, что В. Кокко – способный менеджер и переговорщик. Владимир много и успешно занимался

международными проектами. С другой стороны, именно его «фирменный стиль» (высокомерие, нескритичность к себе, нетерпимость к критике) привёл к тому, что многие наши активисты отвернулись от «ИЛ», а офис «ИЛ» на Пушкинской, 15 стал похож на типичное советское госучреждение. Именно в результате деятельности В. Кокко содержание работы «ИЛ» далеко отошло от его уставных задач. Обратимся к уставу «ИЛ» и увидим, что вся деятельность, связанная с Финляндией, является непрофильной для «ИЛ».

Владимиру Кокко не нужен устав «ИЛ», ему не нужна газета «Инкери», он последовательно выступает против возвращения ингерманландских финнов из восточных районов страны в Ленинградскую область («они давно обрусели»), ему безразлична судьба местных отделений «ИЛ». Законный вопрос – а что ему тогда вообще нужно?

Полагаем, что сегодня преждевременно давать оценку деятельности В. Кокко. Возможно, в будущем его роль в «ИЛ» станет более понятной.

Редакция газеты «Инкери»

Не правда ли, удивительно, насколько по-разному оценивают ингерманландское движение его бывшие лидеры. Мы не призываем читателей видеть в рассказах председателей «ИЛ» истину в последней инстанции. С некоторыми их утверждениями невозможно согласиться. И всё же их сообщения имеют большую ценность. В них мы найдём на «чистые» факты, искренние мнения, неприукрашенный драматизм 20-летней борьбы. Это далеко не полная история «ИЛ», но безусловно – материалы к этой истории. Конечно, председатели знают об «ИЛ» больше, чем его рядовые участники. И всё же мнения других людей мы считаем не менее важными. В прошлых номерах мы предоставляли слово ветеранам «ИЛ» – Пааво Сойтту (2007, № 4) и Славе Вяйзьянену (2008, № 1). В этом номере мы помещаем мнения об «ИЛ» ещё нескольких людей, причастных к становлению ингерманландского движения. В ближайших планах редакции – узнать мнение об «ИЛ» проживающих в Петербурге и области представителей ингерманландских финнов, независимо от их прошлого или нынешнего членства в «ИЛ».

Террор 1918 года: прошло 90 лет

90 лет назад, 5 сентября 1918 года, Совет народных комиссаров РСФСР издал постановление «О красном терроре». Согласно постановлению красный террор ставил перед собой задачу освобождения республики от «классовых врагов» и, согласно документу, физического уничтожения, «расстрела всех лиц, прикосновенных к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам». Документ создавал юридическую основу для ничем не ограниченного произвола «строителей светлого будущего».

Свидетелем этих трагических событий летом 1919 года стал 15-летний Юхани Конкка, будущий известный писатель. В километре-другом от его дома располагался зловещий Койранкангас, место расправ большевиков со всеми, в ком они видели своих врагов. Предлагаем вниманию читателей перевод главы из автобиографического романа Юхани Конкка *Pietarin valot* («Огни Петербурга»).

Летом 1919 у нас работала семнадцатилетняя девушка по имени Анна из прихода Вуолы. И имя, и многие черты характера напомнили мне мою школьную подругу Анну Нокелайнен. Светлые с руку толщиной косы были такие же длинные, как у Анны. Я любовался ее голубыми глазами, ее робкой улыбкой. Про себя я думал, что есть много девушек красивей Анны, но у многих красивых девушек заносчивый и ехидный характер. Анна же напротив была тихой и безропотной. Однажды вечером мы возвращались с пиирилейки в Киуру-мяки. Было часов двенадцать. Я шел по школьной привычке рядом с ней, а не впереди, как было принято в Инкери. Этой ночью я решил узнать, как Анна относится ко мне и задать вопрос, который должен был все прояснить. Вопрос же был таков: «Анна, будешь ли ты скучать без меня, если я уйду в Финляндию?»

Анна и я шли, обмениваясь ничем не значащими фразами, а важный, давно приготовленный вопрос вертелся в голове. Мы поднимались

из глубокого оврага по склону Койвумяки. Новый дом нашего хутора был этой осенью подведен под крышу, но недостроен из-за недостатка строительных материалов. Мы уселись на кучу старых досок и открыл было рот чтобы произнести свой вопрос. Но именно в этот момент со стороны Койранкангаса раздались два выстрела, за которыми последовала беспорядочная стрельба. Я присел на землю за штабелем дров, Аня последовала моему примеру. После пулеметных очередей зашелкали одиночные выстрелы, по моим подсчетам около двадцати. Мы не могли видеть, что происходит на Койранкангасе – его скрывал от нас поросший березняком склон Ниверинмяки. У меня же на все было готово объяснение – финны идут. Какой-нибудь разведывательный отряд, пришедший со стороны Финляндии наткнулся на красных. «Пошли» – сказал я и взял девушку за руку. Анна торпливо обогнула забор. Если бы мама увидела нас вместе, стала бы ругаться на обоих. Отец встретил меня у двери в ночной рубашке. «Я слышал стрельбу» – сказал он. – «Финны идут» – ответил я. – «Где они?» – «В Койранкангасе» – «Что им там делать?»

Поднялись вместе на Ниверинмяки. Уже светало. Пустошь была безмолвной как и раньше, но по военной дороге на другом краю полигона в сторону Пукеронмяки ползли две грузовые машины с большими кузовами. «Здесь что-то не так. Когда рассветет пойдем посмотрим». – «Возьми с собой уздечку Руско», – сказал отец. – «Зачем?» – «Если вдруг навстречу попадутся солдаты и будут спрашивать, что мы здесь делаем, скажем, что ищем отбившихся от табуна лошадей». Мы взяли уздечку от конфискованной для Красной Армии лошади и через пять минут бодрой ходьбы были уже на полигоне, западный край которого был в полукилометре от Койвумяки. Мне было трудно поспевать за отцом, и я пытался делать такие же длинные шаги, как он. У меня в карманах лежали кинжал и никелированный револьвер с барабаном, купленный на Сенном рынке за два мешка картошки. Оружие тогда было по цене картошки. Быстрее всего было идти прямо по дороге, проложенной военными, однако, поскольку мы искали потерянных лошадей, приходилось петлять по кустарникам. Общий табун трех деревень пасли примерно километром левее. Мы не встретили пастуха Теппо, не было слышно и его протяжных криков. Мы осмотрели прикрытую ольховым лесом линию окопов для стрельбы, которые я когда-то копал, но ничего необычно-

го не обнаружили. Через знакомую пустошь вышли к лугу Липитка, где до расширения полигона было коровье пастбище, и на котором косили сено каждое лето. Не было слышно ничего, кроме чириканья птиц. После долгого наблюдения мой глаз, который был острее, чем у отца, заметил раскопанную землю.

«Здесь земля перевернута» – сказал я отцу. Осторожно подойдя ближе, я увидел, что свежескопанная земля присыпана песком из расположенного неподалеку окопа. Мы пошли вдоль края. Слева из земли торчала сжатая в кулак рука! Слева – ступня ноги. Меня охватил ужас, но отец, который был в Москве во время Ходынской катастрофы, внешне сохранял спокойствие. Отец принялся разглядывать поросшую толкнянкой песчаную почву и нашел гильзу от винтовки. Я тоже стал искать, и вскоре в обеих руках было по полдюжины гильз. Все они были найдены на одной линии, примерно в десяти метрах от края засыпанного рва. Отец бросил гильзы и мрачно произнес: «Теперь они принялись расстреливать здесь». Уже два месяца шли разговоры о том, что ЧК расстреливает в лесу вблизи Ириновской железной дороги за станцией Ковалево. Возвращались домой тем же непрямым путем, что пришли. Рука отца время от времени сжималась в кулак. Приближаясь к дому он произнес: «Мы живем в страшное время». А раньше он говорил «Мы живем в великое историческое время».

Ужас, казалось, сковал весь наш край. Редкий человек спал спокойно в следующие ночи. Мужчины, женщины, парни и даже некоторые девушки выходили ночью на вершины холмов, с которых виден был Койранкангас, с ужасом вглядываясь вдаль. Один или два раза в неделю приходили машины, гремели выстрелы, раздавались крики и машины уползали назад в Питер. Старухи говорили, что пришло время антихриста. Большевики и чекисты – силы ада и каждый, кто поддерживает их, попадет в ад, где будет скрежет зубов. Сейчас у большевиков власть и они гонят тех, кто верит в Отца, Сына и Духа Святого, но еще придет время, когда гнев Божий падет на них, а те, кому пришлось лечь в землю Койранкангаса, получат вечную благодать. Старуха Кекелайнен из Коросенкюля рассказывала, что своими глазами видела, как разверзлось небо над Койранкангасом и множество ангелов сошло с небес: «У них были золотые крылья и серебряные мантии и ангелы уносили души жертв на небо к Господу». Другая старуха рассказывала виденный ей сон, как Иисус Христос стоял на краю

могилы и отпевал мертвых. Потом Христос курил трубочный табак, ел лепешку и шел в сторону Рябова. «И у него были на ногах сапоги, а на голове – фуражка. Хотите – верьте, хотите – нет». Над этим сном деревенские смеялись и говорили, что она сочинила его чтобы оправдать свои слабости. Сама она тайком покуривала трубку и когда не было кофейных зерен, жевала картофельные лепешки чтобы отбить запах табака. Третья старушка, Марта из Киурумяки сочинила длинную и скорбную песню-плач. Начали рассказывать леденящие душу истории. Говорили, что тени казненных ходят ночью по деревьям, стучат в окна и молят, чтобы священник пришел и отпел их. Иначе их души не успокоятся. Катри Мякелайнен из Киурумяки поговорила об этом с пастором, но пастор был уже один раз арестован и не хотел попасть в историю. В ночи людям слышались плачи, стоны и крики. Конечно, деревья и кусты шумели от ветра, старая ветряная мельница на Ниверинмяки скрипела. Голоса ночи легко было принять за стоны жертв. Однако у разговоров было основание. Однажды ночью через час после расстрела послышался слабый крик. Когда на следующий день крестьяне ехали по военной дороге в Питер они увидели полураздетый труп мужчины. Это был труп одного из казненных, не умершего сразу и сумевшего проползти триста метров.

Прошло недели четыре после той страшной ночи, когда я с уздечкой в руках и лепешкой в кармане отправился на поиски Муста, которого, как и раньше, оставляли в табуна. Солнце поднималось на Липитканниттю и лучи его касались спящего Койранкангаса, с которого ночью слышались пулеметные очереди и хлопки выстрелов. Я спросил о нашей лошади у придурковатого пастуха Теппо, который за копейку глотал живых червяков, а за три – подвешивал живых раков себе на нос. Теппо ответил, почесывая под мышкой: «Не знаю, не видел». Мне ничего не оставалось, как забраться на огромный валун – тот самый, на который Корвен Яакко в свое время ставил копну сена, чтобы она казалась больше. Была ясная погода, воздух был чистым и свежим, но полигон был скрыт слоем дыма. Не убранные за зиму стога сена, деревья, кустарники принимали фантастические очертания, становились похожими на сказочные острова. Полигон окутывался дымом каждое лето. Жители деревень выжидали старую траву, чтобы получить новую землю под посадку репы. Мальчишки и девчонки, пасшие скот зажигали костры, отпугивая

Химаколово, 1916 год. Фото Самули Паулахарью

комаров. Я смотрел вдаль, пока не заметил на краю Койранкангаса движущееся пятно. Я догадался, что это Муста. Нужно было идти туда, хотя приближаться к Койранкангасу не хотелось. Последнее время ветер стал приносить смрад от множества едва присыпанных землей трупов. Наверное, мысли мои были целиком заняты поиском лошади и по сторонам я не оглядывался. Неожиданно я услышал произнесенное по-русски «друг мой». Повернувшись, я увидел на другом берегу полуголого мужчину. Оторванная половина рубашки, обмотанная вокруг головы, была красной от крови. Вторую половину он прижимал к левому боку. «Могу ли я как-то помочь Вам?» – «Осмелишься ли?»

Первым делом он попросил воды, которую я зачерпнул из канавы кепкой. Потом я попытался оторвать от штанов лоску, чтобы перевязать его, но добротная домашняя ткань не поддавалась. Выпив холодной воды, он произнес: «Да, нехорошо стрелять так неаккуратно». Потом, делая большие перерывы между словами, он сказал, что хотел бы передать последний отцовский привет дочери Сане, Александре Федоровне Владимирской. Она живет у вдовы адмирала Евдокии Прохоровны на Шлиссельбургском тракте в светлосинем двухэтажном домике, от Первого Морского кадетского корпуса в сторону Охты. – «Можете ли вы когда-нибудь прийти туда?» – спросил наконец он. – «Да» – ответил я – «быстрее всего попасть туда по новой дороге». – «Ведь меня везли ночью мимо дома, где живет моя дочь. Просил чекистов пощадить меня...» – Боль исказила его лицо. Он схватился за бок и побледнел. Через некоторое время я помог ему перебраться в кусты неподалеку от края канавы, чтобы никто из проезжающих мимо не мог заметить его. «Посидите здесь часа полтора тихо» – сказал я – «я придумаю, как еще помочь вам». Найдя Муста, я поскакал домой.

«Конечно мы поможем ему, еду сейчас же туда. Но тут такое дело, что нужно держать язык за зубами. Маме тоже не говори». Нужно было придумать какую-нибудь причину отсутствия отца на случай, если мама спросит. Сочинили историю о том, что мы якобы встретили пришедшего из Финляндии жителя Рябово, который принес известия от Микко. В пути он был ранен и отец идет перевязывать его и принести еду. Отец вернулся через три часа и сказал, что перевязал раны. Ночью он решил построить на сенокосе шалаш и на первое время поместить раненого туда. Как только он чуть-чуть придет в себя, его можно будет привезти на лошади в Липиткя. Я думал, что раненный – офицер, но отец сказал, что он был обычным доцентом, преподавателем в университете. За что ему вынесли приговор – не знает. Один допрашивающий убеждал, что его сын – участник заговора. Другой говорил, что в центре заговора он сам, доцент Владимирский. Целью заговора было свержение советской власти. Действительной же причиной было лишь то, что его политические симпатии были не в пользу большевиков.

«Сходи сегодня же в Питер и разыщи его дочку. Она училась на курсах сестер милосердия и сможет ухаживать за отцом. Мы договорились, что часов через семь отец будет ждать меня в кустах у дороги близ моста через ручей Вехкаоя. Я запряг лошадей и отправился в путь. Через некоторое время я был в Питере. Когда мы ехали через Койранкангас, Муста, почуяв запах трупов, начал фыркать и понес так, что мне стоило больших трудов успокоить его. Примерно через три часа я стоял перед светло синим домиком. Я привязал Муста к столбу, положив перед ним немного сена и позвонил в дверной звонок. Дверь открыла опирающаяся на палку седая женщина.

«Я хотел бы видеть Александру Федоровну». – «Что вы сказали?»

– старуха приставила к левому уху сложенную трубочкой ладонь. Поняв, что она глухая, я повторил громким голосом прямо в ухо. – «Саня плачет в комнате. Она говорит, что ее отца, моего брата Федьку, расстреляли. Да упокоит Бог его душу». Она переложила палку из правой руки в левую, чтобы сотворить крестное знамение. Старуха провела меня в комнату, в которой комод и маленький столик в углу были заполнены фотографиями морских офицеров, их жен и дочерей. На тахе у правой стены лежала под одеялом молодая женщина. Сначала я увидел лишь обтягивающую черную юбку, застежку пояса, спину в желтом пуловере и слегка выющиеся темные волосы. «Саня» – крикнула старуха и постучала палкой об пол – «тебя спрашивают».

Девушка присела на краю кровати. Лицо ее было заплаканным, глаза – полны слез. Она бросила на нас недовольный взгляд, будто спрашивая, чего от нее хотят и откуда мы взялись.

«Извините» – произнес я. – «Вы, очевидно Александра Федоровна?» – Она кивнула. «Я из деревни» – произнес я – «и пришел передать привет от Вашего отца».

При этих словах девушка вскочила, сделала два шага и прошептала: «Что вы говорите, кто Вы?» – «Ваш отец в безопасности и ждет Вас» – добавил я, коротко рассказав обо всем. Старуха наклонила ухо в нашу сторону: «Что за дела у вас, скажите мне. Говорите громче, иначе я ничего не слышу».

Глядя на узкую, доходящую до колена юбку девушки, между сумками и баулами, я думал, как бы сказать ей, что в лесу в такой одежде не ходят.

«Там, где прячется отец, много канав» – наконец произнес я. –

«Ну и что?» – «Думаю, Вам будет трудно прыгать через них».

Она бросила взгляд на юбку, улыбнулась мне, исчезла в соседней комнате и вскоре вернулась в широкой серой юбке. Я посоветовал ей взять с собой удостоверение личности, без которого сейчас нельзя передвигаться. Девушка завернула к тете, и я слышал, как она кричала на ухо старухе, что она уезжает надолго, беспокоится о ней не надо, а если кто спросит – пусть скажет, что она уехала в деревню. Когда лошадь тронулась, Саша еще раз попросила меня рассказать об отце.

«Я счастлива! Ведь я думала, что никогда его не увижу. Когда утром я пришла на Шпалерную узнать о нем, мне сказали, что его увезли. Куда – не известно. Всем другим давали такой же ответ и это был знак, что они расстреляны». Когда мы въехали на вершину Пукеронмяки, я показал на черневший вдаль сеной сарай Ворнио-Кеко: «Здесь прячется твой отец». – «Но ведь это же в самом центре полигона!» – «Сейчас уже давно не стреляют. Пушки все на фронте, или боеприпасов нет. Раньше вот всякое бывало. Вот есть у нас Рая-Юрки. Прозвище он получил потому, что через его дом прошла граница полигона. За половину дома и земли ему должны были бы выплатить компенсацию, если бы он уехал. Но он заупрямился. Один раз снаряд упал менее чем в пятидесяти метрах от его дома. Вылетели стекла, попадали на пол котлы, и сам Юрки полетел с кровати на пол. После этого он переехал верст за шесть от злополучного места и все говорил: «Не надо мне этих русских карамелек».

Авторизованный перевод
Андрея Пюккенена

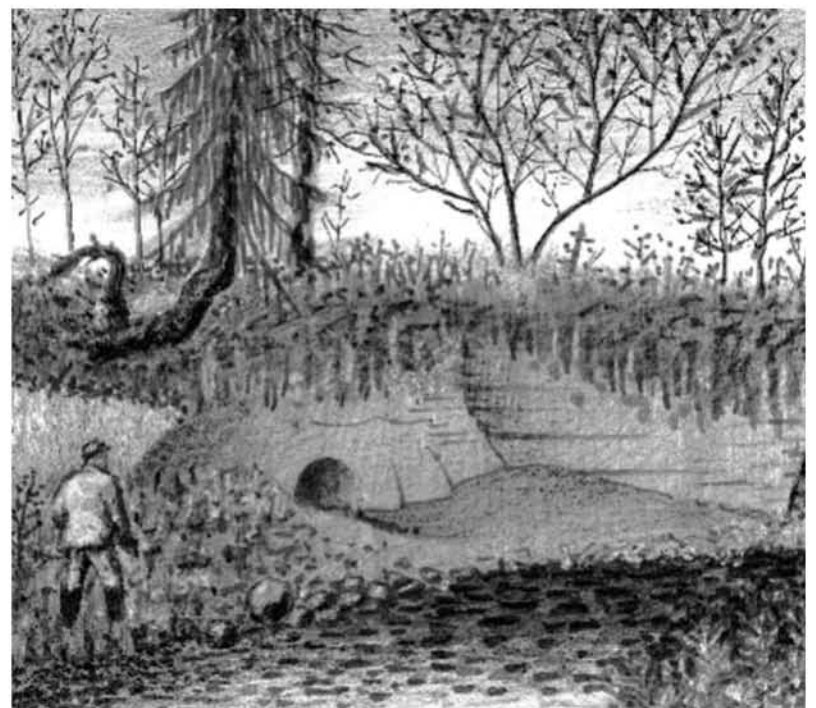

Рисунок Владимира Зернова

Благотворительность как пример общественной деятельности

Пудостьская сельская библиотека, возглавляемая Натальей Остонен продолжает развивать свою многолетнюю программу, посвященную финской культуре и истории на территории Ингерманландии, Финляндии и России.

Со 2-го августа 2008 г. в Пудостьской сельской библиотеке проходила выставка, посвященная 200-летию со дня рождения Авроры Карамзиной, благотворительницы, особо почитаемой в Финляндии. В завершение выставки 4 октября в библиотеке прошла конференция «Европейские гуманистические ценности и благотворительность». Конференция собрала интересную аудиторию, которую представляли пастор лютеранской церкви святой Екатерины, кандидат исторических наук Павел Крылов и священник Павловского собора в г. Гатчина Алексей Роколайнен, председатель Гатчинского общества ингерманландских финнов Владимир Яковлев, председатель Таицкого общества «Inkerin tupa» Дмитрий Поляков, представители СМИ и телевизионя, представители общественных организаций и слушатели.

Со вступительным словом выступила заведующая библиотекой Н. Остонен. Она напомнила, что конференция проходит в неделю пожилого человека, в год семьи. Это те структуры, которые сегодня, в 1-ю очередь, требуют к себе особого внимания.

Благотворительность – одна из забытых и на сегодняшний день потерянных ценностей и традиций не только российской, но и межчеловеческой деятельности. Тема конференции тем более актуальна, что сегодня мы расскажем о жизни и деятельности, в т.ч., благотворительной Авроры Карамзиной, известной и особо почитаемой в Финляндии благотворительницы. Подробно о ней рассказал П. Крылов.

Аврора Шернвалль родилась 3 августа 1808 года в Финляндии в городе Пори. Её мать Ева происходила из финского дворянского рода. Когда девочке было 7 лет, умер отец. После смерти отца Аврора с 1816 года по 1821 год жила в Петербурге в семье брата матери. Здесь Аврора выучилась русскому и французскому и познакомилась с русской культурой. В 1822 г. переехала в свою семью, которая в то время жила в Хельсинки. В 16 лет её представили в хельсинском светском обществе и вскоре она стала известна своей красотой как «красивая Аврора». Она часто бывала в Москве и Петербурге. В Петербурге она оста-

навливалась в семье своей сестры, которая была замужем за декабристом Владимиром Мусиным-Пушкиным. Аврору представили императору и императрице, что привело к тому, что в феврале 1836 года её назначили фрейлиной императрицы Александры Федоровны. В ноябре 1836 года Аврора обвенчалась в Хельсинки с одним из богатейших людей России из рода Демидовых – Павлом. В 1839 году у них родился сын Павел. Но здоровье отца было слабым и в 1840 году он умирает. После траурного года она снова участвует в светской жизни. Участвует в литературных салонах и сама устраивает их у себя дома. Часто бывала в доме Карамзиных. Здесь она познакомилась с сыном известного историка и философа Николая Михайловича, капитаном Андреем Карамзиным. Полковник Андрей Карамзин в Дунайском сражении русско-турецкой войны в 1854 году. Её горе было глубоким, и после этого трагического события она обратилась к богу за утешением. Она резко изменила образ жизни и решила посвятить себя благотворительности. Императорская семья тоже занималась благотворительностью. Считалось, что милостыня и благотворительность ведут к социальной гармонии. В 1852 году был издан первый устав Финляндии о помощи бедным. Нищета и бедность были слишком велики в России и в Финляндии. Демидов-первый муж Авроры был известен как щедрый жертвователь. С его денег были организованы и построены больницы и школы в Нижнем Тагиле и в Петербурге. Сама Аврора в Нижнем Тагиле основала богадельню, родильный дом, школы и детские дома, оказывала денежную помощь при несчастных случаях. В день свадьбы в 1836 году Демидов пожертвовал деньги на основание школ для девочек в Хельсинки. В Финляндии Аврора купила поместье в Эспоо. Здесь она оказывала поддержку одиноким жителям, а также собственным торпарям. В голодные 60-е годы она основала народные кухни для голодавших. Затем там же, в Эспоо она основала дома для стариков, школы, детские сады, а также библиотеки. В поездках по Средней Европе Аврора познакомилась с учреждением милосердия, которое её основатели – чета Флиднер называли «Диаконисой». Милосердное учреждение «Диакониса» должно было помогать людям, переживавшим наибольшую беду. В 1867 году Аврора Карамзина основала хельсинскую «Диаконису», где обу-

чала молодых незамужних женщин заботиться о больных и страдающих людях. Начинали с малого. 1867 год был голодным годом в Финляндии. Нищета и голод были главными проблемами. Распространялось много болезней. Была основана скромная больница, где вначале было только несколько лежачих мест. Следующим шагом была особая больница для детей, а затем основали и детский дом. Во многих домах царил нищета и голод. Диаконисы стали распределять кухонную еду учреждения по домам и заботились о лечении больных. В 1927 году «Диакониса» начала работать среди инвалидов. Но пришли новые времена. Многие вопросы сейчас решает государство. Однако оказывается, что и в нашем современном обществе многие остаются с краю жизни. По первоначальной идее Авроры учреждение ищет новые проекты и формы работы. Сегодня помощи требуют старики и одинокие люди, требуется помощь детям, инвалидам, больным ВИЧ и др., т.е., тем людям, чьё положение сегодня самое тяжелое. В начале своей деятельности немногие верили, что «Диакониса» продержится долго. Но учреждение росло и расширялось и сегодня оно представляет цветущий концерн.

В Финляндии 2008 год объявлен годом Авроры Карамзиной и его широко отмечают по всей Финляндии. В первую неделю августа проводятся музейные экскурсии, где представлена прошлая и нынешняя деятельность «Диакониссы», театральные представления и доклады.

Умерла Аврора Карамзина в 1902 году. То, что дружба императорской семьи и Авроры Карамзиной выдержала многие годы видно из следующего события: первый венок на похоронах Авроры Карамзиной был послан императором Николаем II, а следующий – императрицей Марией Федоровной.

Замечательный рассказ Павла Крылова был встречен аплодисментами.

Надо отметить, что благотворительность и меценатство в советские времена были совершенно забыты. Да они и не могли иметь место в советском обществе. Словарь русского языка того времени определяет благотворительность, как помощь бедным, немущим. Но в советском обществе не было бедных, все были равны, поэтому и помогать не было необходимости.

Рассказ вызвал широкую дискуссию. В прениях выступили главный редактор газеты «Нечаянная радость»

Галина Елфимова, священник Павловского собора Алексей Роколайнен, старший методист межпоселенческой библиотеки Гатчинского района Светлана Топорикова и др.

Но идеи Карамзиной живут и у нас. В Терволово действует учреждение «Диаконисса», которое помогает людям нуждающимся в помощи. Здесь и помощь старикам, одиноким и инвалидам, людям попавшим в беду (погорельцам), требующим операционной помощи. Помощь выражается как финансово, так и материально. Об этом рассказала старший диаконической группы Мария Соколова.

От имени предпринимателей выступил Дмитрий Поляков. Он сказал, что благотворительность, или просто помощь со стороны предпринимателей имеется. Но, конечно, это не тот уровень, о котором нам рассказал П. Крылов. Он сказал очень верно: предприниматель сам не пойдет в общество предлагать: «кому дать?». Надо самим идти к нему и на благие нужды, по мере возможности, большинство не откажет. Хорошая идея прозвучала из уст Дмитрия. Почему бы не собрать на такое мероприятие, как сегодня, хотя бы не всех, но большинство предпринимателей с такой аудиторией, рассказать о благом деле, составить конкретную адресную программу. Сам Дмитрий не голословен. В тяжелое для него время он нашел возможность помочь детям, больным гемофелией, помогает и ныне дому престарелых в Тайцах, с его помощью был проведен летний праздник «Юханус» в Тайцах. Такие люди есть.

Разговор продолжился за чайным столом. Особое спасибо гости высказали Наталье Остонен за организацию такого интересного и, главное, нужного мероприятия.

Вилье Остонен

Inkerin päivä в Стрельне

Вначале обратимся к классикам. Весьма почитаемый нами основоположник Слава Вяйзьянен неоднократно высказывался в том духе, что Ингерманландия большая, и поэтому незачем кучковаться всем в одном месте. Исходя из этого, ингерманландско-финские активисты из Ломоносова, Петергофа и Стрельны решили проводить День Ингрии в своих родных местах.

Празднование Inkerin päivä – Дня Ингрии состоялось 4 октября в Стрельне, в библиотеке имени Юрия Инге. Поясняем: Юрий Инге – немецкий поэт-большевик, родом из Стрельны. Инициаторами праздника были Муниципальный Совет посёлка

Стрельна – а конкретно, член муниципального совета, директор школы в Стрельне, Игорь Альфредович Риехакайнен – и редактор альманаха «Соседи» («Inkerin Uutiset») Костя Ульяночкин.

Программа праздника была многообразной. Демонстрировался документальный фильм о коренных народах Ингерманландии. Состоялась презентация нового выпуска альманаха-ежегодника «Соседи». В празднике участвовал также Павел Крылов, пастор Скворицкого прихода. Он подарил библиотеке книги и журналы. Уважаемая Нина Шульц рассказывала о судьбе ингерманландских финнов – опираясь прежде всего на факты из соб-

ственной биографии. В конце своего выступления она спросила по-фински – многие ли из присутствующих понимают этот язык. Таких оказалось два или три человека.

Мероприятие завершилось праздничным концертом. Люда Сойка, «одна за всю Ингерманландию», исполняла на аккордеоне вальсы и польки. Её вдохновенная игра произвела сильное впечатление на присутствовавших. Многие рассуждали, что «стоит идти на любое мероприятие, если только известно, что там играет Люда».

Рюрик Танска

Финский язык: интерес повышается

Сентябрь – месяц, когда возобновляются занятия на курсах финского языка, организуемых «Инкерин Лийтто». Особенностью этого учебного года стало обилие желающих изучать финский язык на курсах в гатчинском Инкери-Сеура, что означает, скорее всего, возрастание интереса потомков ингерманландских финнов к изучению финского языка. Две группы слушателей, начинающих изучать язык, переполнены; число учащихся – по 25 человек в каждой группе. Кроме двух групп «начинающих», сформирована одна группа второго года обучения. Это значит, что учебный процесс продолжается, и вместе, продолжается жизнь гатчинского Инкери-Сеура. Считаю, что большая заслуга в этом преподавателей финского языка – В. А. Остонен и И. В. Бойцовой.

Причина повышенного интереса к финскому языку кроется, по-видимому, не только в желании людей сменить место жительства, но и в расширении сотрудничества в самых разных областях между Финляндией,

Санкт-Петербургом и Ленинградской областью, в расширении личных контактов граждан двух стран, а также и в желании потомков ингерманландских финнов знать историю, культуру и язык своих предков.

Иллюстрацией к вышесказанному может быть открытие в Мариенбурге современного молочного завода – совместного российско-финского предприятия. Финскую сторону представляет фирма Валио. Наряду с профессиональными знаниями и навыками здесь приветствуется знание сотрудниками ведущих специальностей финского языка. Другой иллюстрацией роста интереса к финскому языку и его носителям явилась публикация в новом (пятом) выпуске литературно-краеведческого альманаха «Оредеж» статьи П. В. Крылова и Н. А. Остонен о финно-угорских народах Ижорского плата. В этом же альманахе много интересного материала о выдающихся поэтах и писателях, так или иначе связанных с Гатчинской землей – Я. Полонском, В. Набокове, К. Рылееве,

А. Куприне, а также и о А. Пушкине. Ведущий составитель альманаха Е. Л. Бабий, директор Межпоселенческой центральной районной библиотеки им. А. С. Пушкина, что находится в микрорайоне Аэродром, всегда рада обсудить вопросы, касающиеся ингерманландской тематики на встречах и семинарах, проводимых здесь ежемесячно. Так что я от её имени призываю всех заинтересованных людей, в том числе читателей газеты «Инкери», к совместному сотрудничеству и участию – как в стенах библиотеки, так и на страницах альманаха.

Заслуживает внимания и тот факт, что Гатчину в конце сентября посетила вице-спикер Государственной думы РФ Светлана Журова, которая обсуждала с администрацией Гатчинского района вопрос о включении в целевую федеральную программу культурных объектов Гатчинского района, связанных с именем Пушкина (гатчинское «Пушкинское кольцо»). И возможно, в Гатчинском районе состоится

выездное заседание Комитета по культуре Государственной Думы, чтобы понять, что нужно сделать для того, чтобы сохранить эти богатые историей места для наших детей и будущих поколений.

Традиционно в Гатчинском районе ежегодно отмечается день рождения А. С. Пушкина – это всегда большой праздник. Представляется, что было бы хорошо войти в контакт с рабочей группой, занимающейся подготовкой к празднованию 210-летия со дня рождения А. С. Пушкина – и показать на празднике, что ингерманландцы живы, что не исчез, несмотря ни на что, финский язык на берегах Невы и Ижоры, что есть у нас талантливые исполнители. В последнем я убедился на фестивале в Тарту 11-13 июля на праздновании 20-летия ингерманландского движения.

В. Яковлев,
председатель «Инкери-Сеура»,
Гатчина

Выставка в Манеже

С 28 августа по 17 сентября в Петербурге, в Центральном выставочном зале «Манеж» действовала выставка под громким названием «Единство нации на берегах Невы. Петербург многонациональный». По существу, это была выставка достижений различных национальностей, проживавших в Петербурге до революции (концепция выставки включала, по-видимому, только дореволюционный Петербург). По сути, это была самая настоящая «предметная» этнографическая выставка. Основу экспозиции составили предметы быта и иллюстративный материал – фотографии, литографии и картины. Были на выставке и «живые экспонаты» – выступления музыкально-танцевальных коллективов. В день открытия выставки состоялась пресс-конференция, в которой участвовали представители национальных организаций.

Выставку организовал комитет по культуре правительства Петербурга. Экспонаты предоставили более 20 музеев Петербурга. В их числе Музей этнографии народов России, Русский Музей и Эрмитаж. Активное участие в организации выставки приняли

ныне действующие в Петербурге национальные объединения.

Ингерманландские финны были представлены небольшим разделом, составленным главным образом из фондов Музея этнографии. Участие собственно финнов как в организации выставки, так и в «живой» части экспозиции было более чем скромным. Собственно, финнов на выставке представляла Люда Сойкка в единственном числе. Посетители выставки, без сомнения, запомнили замечательные финские мелодии, которые Люда исполняла на аккордеоне. Она же, в единственном числе, демонстрировала праздничный финский костюм.

Вот что говорят о выставке представители ингерманландских финнов.

Арви Коркка, член совета «ИЛ»:

– Это была отлично подготовленная, хорошо организованная выставка. В построении экспозиции удачно показана многоплановость присутствия разных национальных групп в дореволюционном Петербурге. То есть, показаны не только их внутренняя жизнь, религия, но и экономическая деятельность, их вклад и роль в жизни города (к примеру, новейшие техно-

логии были завезены в Россию меньшинствами из Европы). Выставка наглядно показывает, как различные национальности мирно уживались в дореволюционном Петербурге. Хорошее впечатление произвели выступления фольклорных коллективов – кавказских и других.

Участия «ИЛ» в выставке не было заметно. В связи с этим, напрашиваются некоторые выводы.

Первое. Нам нельзя пропускать такие мероприятия. Именно для таких мероприятий и нужен фольклорный коллектив. У нас есть хор и авторы-исполнители музыки и песен. Их надо заблаговременно информировать и приглашать на такие мероприятия. Этого, по-видимому, не было сделано.

Второе. Надо принимать более активное участие в организации выставочной экспозиции. Конкретно, надо показывать, что финны здесь были раньше других – к примеру, раньше черкесов.

И третье. На выставке должны быть лица тех, кто оказал наибольшее влияние на развитие финского сообщества – при этом не только деятелей

прошлого, но и ныне действующих – таких как Арво Сурво, Слава Вяйянен, Александр Худилайнен.

Люда Сойкка, музыкант:

– Благодаря выставке множество людей, не знакомых с финской музыкой, могли услышать замечательные мелодии, почувствовать финский дух Ингерманландии. Я исполняла и народные мелодии, и свои собственные сочинения. Насколько я могла видеть, всем нравились и быстрые зажигательные, и медленные грустные темы. Многие подходили ко мне с вопросами. Спрашивали, где же все остальные финны. Я говорила – я одна финка во всей Ленинградской области. Надеюсь, все поняли, что это была такая грустная шутка. А если серьезно, Инкерин Лийтто не проявил интереса к выставке. В экспозиции не было ни финского костюма, ни рукоделия. Если бы я не пришла и не играла, маленькую финскую экспозицию никто бы, наверное, и не заметил.

Редакция газеты «Инкери»

Onnea!

70 vuotta
VALENTINA JUONOLAINEN

s. 2.10.1938
Inkeri-seuran aktiivi

SIVUSTOMME

WWW.INKERI.RU

KESÄRANTA

5-звездные коттеджи для наилучшего отдыха в Финляндии!

Коттедж 80 м²

Коттеджи Кесяранта расположены в Кесялахти, в живописном месте на берегу оз. Пурувеси. Здесь в распоряжении отдыхающих коттедж 80 кв.м и вилла 250 кв.м.

6 спальных мест (3 спальни), просторная гостиная, кухня, дровяная сауна, душевая, раздевалка и камин.

Оснащение: холодильник, морозильник, микроволновая печь, электроплита, посудомоечная и стиральная машины, телевизор, радио.

До берега 20 м, свой причал. В бесплатном пользовании гребная лодка.

ЦЕНЫ

795 EUR / неделя
795 EUR / неделя

600 EUR / неделя
600 EUR / неделя

Услуги

до ресторана «Juhanantupa» 2,5 км (зимой работает по заказу)
до АЗС 3 км
до магазина 5 км
до горнолыжных склонов «Lekotimäki» 20 км
до горнолыжных склонов «Ruunarinteet» 60 км
до поля для гольфа в Керимяки 30 км
до Савонлинны (где расположен водно-оздоровительный комплекс «Kylpylä Casino» и каждое лето проходит знаменитый Оперный фестиваль) 50 км
до Кесялахти 20 км
до Китээ 30 км

Вилла 250 м²

Фешенебельная вилла: «звездный» потолок из 400 светодиодов, 12 спальных мест, сауна, камин. Рядом просторная беседка-гриль.

Оснащение: холодильник, морозильник, микроволновая печь, электроплита, посудомоечная и стиральная машины, телевизор, радио. До берега 20 м, свой причал. В бесплатном пользовании гребная лодка.

ЦЕНЫ

в зависимости от количества людей и времени
1200 - 2000
EUR / неделя

KESÄRANTA

тел / факс +358 15 520 920

моб +358 500 251 659 (Кейё Малинен)

info@kmo.fi

Обслуживание на финском, английском или русском по будням с 9 до 16 ч.

Päätoimittaja Aleksanteri Kirjanen. Varatoimittajat Antti Pyykkönen, Aleksei Krjukov. Oikolukija Niina Sultsi. Murretekstien oikolukija Mehmet Muslimov. Kuvat Vladimir Zernov, Herluf Bidstrup. Taitto Kustannustalo Inkeri oy. Puh./faksi: +7 812 234 86 54. Postiosoite: Venäjä 198215, Pietari, 4a-22-303 Professora Popova. Painettu kirjapainossa Inkeri kustannustalo oy, Pietari, Karpovka 5, rak. 22, h. 401. Painosmäärä 250.

Газета зарегистрирована Северо-западным окружным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, свид. ПИ № 2-6048 от 9 июля 2002 года. Учредители: А.И. Кирьянен, В.И. Койванен, А.Ю. Пюккенен, А.А. Сыров. Главный редактор А.И. Кирьянен, заместители главного редактора А.Ю. Пюккенен, А.В. Крюков. Дизайн, верстка и печать ООО Издательский дом «Инкери» (генеральный директор А.А. Сыров). Телефон/факс: (812) 234-86-54. Адрес редакции: 197376, СПб, ул. Проф. Попова, 4а, корп. 22, офис 303. Тираж: 710 экз. Заказ № 87. Цена договорная. Подписано в печать 14.11.2008 г., по графику - в 10.30, фактически - в 15.30.